

Лики Оптиной

ВСТРЕЧИ СО СТАРЦАМИ

Воспоминания протоиерея
Василия Шустина,
митрополита Вениамина
(Федченкова),
князя Н.Д. Жевахова

Оптина пустынь
2022

УДК 235.2
ББК 86.372
Л93

*Рекомендовано к публикации
Издательским советом
Русской Православной Церкви
(ИС Р22-202-0029)*

Л93 **Встречи со старцами:** Воспоминания протоиерея
Василия Шустина, митрополита Вениамина (Федченкова),
князя Н.Д. Жевахова. — 176с. : ил.

ISBN 978-5-86594-290-0

Для человека, который хоть бы однажды встречался с православным подвижником, стяжавшим благодать Духа Святого, это встреча становится незабываемым, а часто и центральным, поворотным событием всей жизни. Книга рассказывает о таких встречах с праведным Иоанном Кронштадтским и преподобными оптинскими старцами Варсонофием (Плиханковым), Нектарием (Тихоновым) и Анатолием (Потаповым).

УДК 235.2
ББК 86.372

© ИП . Е. Шкатов — составление,
подготовка текста, макет,
оформление, 2022

ISBN 978-5-86594-290-0

ПРЕДИСЛОВИЕ

В Православной Церкви существуют подвижники, называемые старцами. У старца, стяжавшего благодать Духа Святого, есть особый дар — направлять ищущие спасения души на путь к Истине, открывая о них волю Божию. С теми, кто полностью доверяется такому наставнику, через старца говорит Сам Господь наш Иисус Христос.

Одним из немногих мест в России, где в XIX — начале XX веков искал старческого окормления православный народ, был Кронштадт, в котором сияла святыня отца Иоанна Кронштадтского, старчествовавшего в миру. А другим местом, где процветало старчество, была Оптина пустынь. Нескончаемым потоком тянулись туда богомольцы, ища утешения и совета. Почти век длилась в обители череда старческого служения, и прервалась она только с приходом богоборческой власти. Одними из последних старцев стали преподобные отцы Варсонофий, Анатолий и Нектарий. Воспоминания о встречах с этими светильниками веры составляют настоящую книгу.

В ней собраны работы трех авторов: протоиерея Василия Шустина, митрополита Вениамина (Федченкова) и князя Н.Д. Жевахова, успевших посетить обитель до русской катастрофы 1917 года, а двое из

них еще и до начала Великой войны 1914 года. Протоиерей Василий, тогда просто Василий Васильевич, с юности сподобился знать отца Иоанна Кронштадтского, в Оптиной с 1910 года окормлялся у старца Варсонофия (Плиханкова), а после кончины последнего — у старца Нектария (Тихонова). Митрополит, тогда архимандрит Вениамин приезжал в обитель дважды, в 1912 и 1913 годах, беседовал, напиваясь духовной мудростью, со старцами Нектарием и Анатолием (Потаповым). Князь Жевахов, в свою очередь, был в 1916 году принят старцем Анатолием и получил от него ответ и благословение.

Чем же замечательны воспоминания этих людей? Тем, наверное, что их рассказы наполнены духом той, давно ушедшей Оптины, а старцы в них встают перед нами, как живые. Все они очень разные и по человеческим качествам, и по характеру служения, но все богомудрые, когда надо строгие, а когда — милостивые, видящие и состояние душ человеческих, и прошлое, и будущее, всегда любвеобильные, жалеющие каждого человека и болеющие за его бессмертную душу. И мы, читая эти воспоминания, получаем возможность приблизиться к Божьему чуду — личности святого человека, хоть немного разглядеть его и попытаться приобщиться его веры, любви и мудрости.

Надеемся, что для боголюбивого читателя эта книга станет не только интересным, но и душеполезным чтением.

Отцы святые, молитесь Бога о нас!

ЗАПИСЬ ОБ ОТЦЕ ИОАННЕ КРОНШТАДТСКОМ И ОБ ОПТИНСКИХ СТАРЦАХ

Из личных воспоминаний

Предисловие к изданию 1929 года

Запись о. В. Ш. [отца Василия Шустина] открывает жизнь Церкви. — Жизнь Церкви как действие в мире благодати Божией.

Сжато записывая некоторые события своей жизни, о. В. Ш. совсем их не предназначал для печати. Но, ознакомившись частным путем с воспоминаниями, мы взяли на себя инициативу и почти независимо от воли автора предаем их гласности. События строго личной жизни автора, в которых принимали участие светильники нашей веры, не могут уже иметь личного характера.

Последним старцем оптинским оставался отец Нектарий. Когда записывались эти строки (они записывались за границей, несколько лет тому назад), старец был жив. В прошлом (1928) году он почил вне врат своей закрытой и оскверненной обители.

Да будет опубликование этих воспоминаний посвящено святой памяти оптинского старца иеросхимонаха Нектария.

Отец Иоанн Кронштадтский¹

Наша семья познакомилась с отцом Иоанном при вступлении моего отца во второй брак, когда мне было семь лет. Молодая невеста очень хотела, чтобы брак был благословлен отцом Иоанном²; отец Иоанн приехал и с тех пор стал бывать у нас каждый год на квартире в Петербурге...

Я видел, что вокруг отца Иоанна всегда собирались огромные толпы и буквально рвали его одежду, но я не понимал такого стремления людей к нему. Сердце мое было закрыто до семнадцати лет. Не только христиане шли к отцу Иоанну, но

¹ Воспоминания отца Василия Шустина печатаются по изданию: *О.В.Ш.* Запись об отце Иоанне Кронштадтском и об оптинских старцах: Из личных воспоминаний. Белая Церковь, Королевство С. Х. С.: Православно-миссионерское книгоиздательство, 1929.

² Отец Иоанн Кронштадтский (Сергиев; 1829–1908) — протоиерей кронштадтского Андреевского собора, великий молитвенник, обладавший даром прозорливости и чудотворения, духовный писатель. В 1990 г. причислен Церковью к лику святых. Дни памяти праведного отца Иоанна — 20 декабря/2 января и 1/14 июня.

и иноверцы: магометане, буддисты... И действительно, у отца Иоанна была всеобъемлющая душа, сыновняя Богу, дерзновенная.

Когда батюшка приезжал к нам — и, бывало, неожиданно, — тотчас же накрывали маленький столик скатертью, ставили миску с водой и клали крест, привезенный из Иерусалима; Евангелие, кадило и кропило были у нас свои. Особенно любил батюшка молиться в столовой, перед образом Спасителя, который он считал чудотворным. Бывало, он встанет и минут пять молча смотрит на этот образ. Когда увидит, что все приготовлено около него к молебну, становится на колени и начинает молиться. Он всегда молился импровизированными молитвами, произнося некоторые слова очень резко, с особенным ударением, дерзновенно прося у Господа нам милости. После такой молитвы, довольно длинной, где он также всегда поминал об искупительной жертве Иисуса Христа, он пел сам «Спаси, Господи, люди Твоя» и освящал воду. Затем обязательно ходил по всем комнатам и кроплял их и все постели святой водой. Батюшка говорил, что воздух нашими действиями и нашими мыслями загрязняется и надо его очищать — святая вода отгоняет и уничтожает этот нечувствуемый смрад.

После обеда всегда накрывали чай. Батюшка любил чай самый крепкий, почти черный и всегда просил сполоснуть чай и первую воду слить, — как он в шутку говорил: «Надо смыть китайскую нечисть». К чаю ставили какую-нибудь рыбную закуску. Мяса батюшка совсем не ел. Иногда выпивал полрюмки сладкого вина и, окинув взглядом присутствующих,

давал кому-нибудь допить свою рюмку. Затем ставили перед ним ряд стаканов с крепким чаем, целую стопку блюдечек и глубокую тарелку с кусковым сахаром, и он, благословив, брал сахар целыми горстями и рассыпал по стаканам. Быстро мешал ложкой, разливал по блюдечкам и раздавал присутствующим. Он любил такое общение. К этому времени обыкновенно к нам на квартиру набиралось много квартирантов из нашего дома; все стремились к батюшке и во время трапезования спрашивали о своих нуждах. Иногда он, задумавшись, ничего не отвечал, а другим давал советы или молитвенно поминал. После чая всех благословлял и торопился в другое место. У подъезда опять собиралась толпа, и приходилось батюшку прямо протаскивать к карете.

Часто обвиняли батюшку, что он ездил в карете, что женщины иногда с ним там сидят... Как люди злы в своей извращенной природе — кто, как не женщины, окружали Господа нашего, кто, как не они, служили Ему своим достоинством? Так и здесь находились богатые люди — женщины из духовных детей отца Иоанна, которые считали своим счастьем предоставить свою карету в пользование батюшке. А ему лично было все равно, в чем он едет, — он был выше этого.

Когда я был еще совсем юным, отец мой серьезно заболел горлом. Профессор Военно-медицинской академии по горловым болезням [Н.П.] Симановский определил, что у него горловая чахотка. Все горло покрылось язвами, и голос у отца совершенно пропал. Я помню, на Рождество по случаю такой

болезни отца не делали нам и елки. В доме царил как бы траур, все говорили шепотом, царило уныние; нас, детей, не пускали к отцу. Только в первый день Рождества нас подвели к нему, и он, скорбно и молча, раздал нам подарки. Симановский заявил, что ему осталось жить дней десять, а если увезти, с большими предосторожностями, теперь же немедленно в Крым, то он, может быть, еще протянет месяца два.

В это время как раз вернулся в Кронштадт из одной своей поездки отец Иоанн. Послали ему телеграмму. Дней через пять он приехал к нам. Прошел к отцу в спальню, взглянул на него и сразу воскликнул: «Что же вы мне не сообщили, что он так серьезно болен?! Я бы привез Святые Дары и приобщил бы его». Мой отец умоляюще смотрел на батюшку и хрипел. Тогда батюшка углубился в себя и, обращаясь к отцу, спрашивает: «Веришь ли ты, что я силой Божией могу помочь тебе?» Отец сделал знак головой. Тогда отец Иоанн велел открыть ему рот и трижды крестообразно дунул. Потом, размахнувшись, ударил по маленькому столику, на котором стояли разные полоскания и прижигания. Столик опрокинулся, и все склянки разбились. «Брось все это, — резко сказал отец Иоанн, — больше ничего не нужно. Приезжай завтра ко мне в Кронштадт, и я тебя приобщу Святых Таин. Слышишь, я буду ждать». И батюшка уехал. Вечером приехал Симановский, а вместе с ним доктор Окунев, тоже специалист по горловым болезням. Им сказали об отце Иоанне и что завтра повезут моего отца в Кронштадт. Симановский сказал, что это безумие, что он

умрет дорогой. (Нужно было из Ораниенбаума ехать на санях по морю, а была ветреная морозная погода.) Но отец верил батюшке, и на следующий день закутали его хорошенько и повезли в Кронштадт.

Батюшка приехал на квартиру, где остановился отец, и приобщил его Святых Таин. Еще два дня прожил отец в Кронштадте, каждый день видясь с батюшкой. Когда он вернулся домой, Симановский был поражен: в горле все раны оказались затянуты; только голос отца был еще слаб. Симановский во всеуслышание заявил: «Это невиданно, это прямо чудо!» Так совершилось дивное исцеление моего отца по молитвам батюшки. Отец прожил после этого двадцать пять лет.

Через три года после исцеления моего отца родилась у моей второй матери дочь. Еще заранее просили отца Иоанна быть крестным отцом ребенка. Батюшка согласился. Сестра родилась летом, когда мы жили на нашей даче в Финляндии. Отец Иоанн, по нашим сведениям, в то время должен был быть у себя на родине. Решили крестить сестру и записать, как это в некоторых случаях делается, крестным отцом отца Иоанна, так как он дал на это свое согласие.

Крещение было назначено на воскресенье после обедни³. Вдруг накануне в субботу к нашей даче подъезжает извозчик-чухонец, из экипажа легко спрыгивает священник. Мы смотрим — это отец Иоанн. «Вот и я на крестины», — заявляет он, рас-

³ Обедня — народное наименование литургии; эта главнейшая церковная служба обычно завершается к обеду.

пахивая двери. Мы были поражены, началась, конечно, суматоха. Батюшка велел послать за местным, дачным священником и принести из церкви купель. Сам же он пошел по нашему саду и восторгался лесом, который окружал нашу дачу. Через час все уже было готово к крестинам. Началось таинство, которое совершал местный священник отец Симеон Налимов. Отец Иоанн сам держал мою сестру на руках, отрекался сатаны, читал, дерзновенно читал Символ веры — все исполнил, что полагалось крестному отцу.

После таинства он сел на балконе в кресло и говорил: «Ну теперь радуйтесь. Поздравляю вас с новорожденным младенцем... Теперь я ваш родственник, сроднился с вами. И посмотрите, как я нарядно одет, точно к царю приехал...» И действительно, батюшка был при звездах и крестах. Со всеми нами он перецеловался и радовался вместе с нами. В это время в саду уже собралась толпа народа, и батюшка с верхнего балкона благословлял эту толпу. Потом он пообедал вместе с нами. Я снял его своим фотографическим аппаратом. И он стал спешить в Петербург, чтобы в этот же день попасть в Кронштадт. Местный помещик прислал ему свой экипаж, и мы его проводили на вокзал, где дачники и финны уже теснились, прося его благословения. Когда подошел поезд, кондуктора взяли его на руки и поместили в отдельное купе. Впоследствии диакон моей гимназической церкви рассказывал, что он в тот раз ехал в том же поезде, в котором отец Иоанн ехал к нам. Диакон, увидав батюшку совсем одного, удивился очень и, сев рядом, спросил, куда он едет.

«К Ш. на крестины. Они просили меня, и теперь время ехать». Батюшке никто не говорил, что у нас родился ребенок, да и не мог сказать, потому что сестра родилась ранее предполагаемого срока.

Впоследствии эта сестра Аня семилетним ребенком заболела черной оспой. Отец Иоанн безбоязненно провел по ее лицу своей рукой и погладил ее. А лицо ее в это время все было покрыто язвами, девочка очень страдала. По ее выздоровлении не осталось никакого следа от этих язв. Одна только маленькая яминка около глаза.

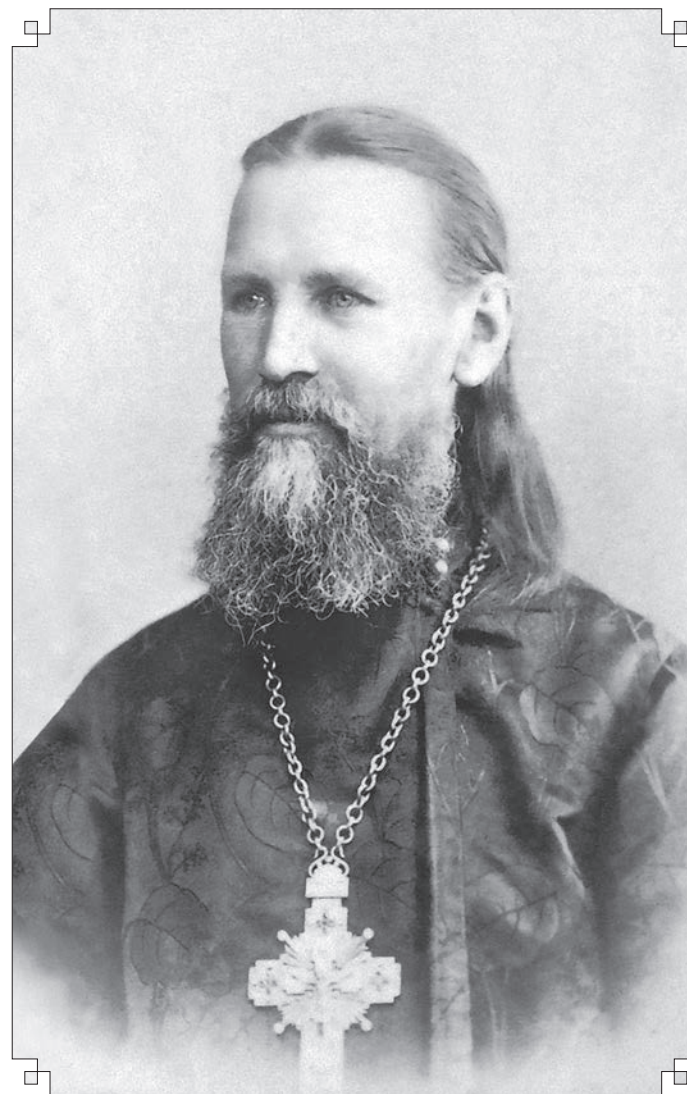
Один раз мой отец предложил мне проехать в Кронштадт вместе с ним, так как он захотел исповедаться и причаститься у отца Иоанна. Я поехал с ним. Батюшка приехал в Кронштадт к нам, отслужил молебен, выслал всех из комнаты и исповедал отца. После исповеди мне отец говорит: «Исповедуйся и ты у отца Иоанна», — и просит об этом батюшку. Но я не готовился к причастию и ел в этот день мясо; поэтому я сказал батюшке, что и хотел бы причаститься, да не могу. Тогда батюшка мне говорит: «Значит, ты не хочешь». А я опять отвечаю: «Батюшка, я не подготовлен», — он же, не слушая меня, спрашивает, категорически: «Хочешь или не хочешь?» Я, конечно, хотел и сказал ему это. Тогда он опять выслал всех из комнаты и сказал: «Маловвер, что ты сомневаешься?» — и исповедал меня.

На следующий день я причастился в храме у него и с легкой душой вернулся домой.

Другой раз мне пришлось причащаться у отца Иоанна в Великом посту. Я приехал и пробыл

в Кронштадте несколько дней. Батюшку трудно было залучить к себе, и мне пришлось исповедаться на общей исповеди. Пришел я с отцом к Андреевскому собору еще до звона. Было темно — только 4 ½ часа утра. Собор был заперт, а народу стояло около него уже порядочно. И нам удалось накануне достать от старосты билет в алтарь. Алтарь в соборе был большой, и туда впускали до ста человек. Полчаса пришлось простоять на улице, и мы прошли через особый вход прямо в алтарь. Скоро приехал батюшка и начал служить утреню. К его приезду собор был уже полон. А он вмещал в себя несколько тысяч человек. Около амвона стояла довольно высокая решетка, чтобы сдерживать напор. В соборе уже была давка.

Во время утрени канон⁴ батюшка читал сам. После утрени началась общая исповедь. Сначала батюшка прочел молитвы перед исповедью. Затем сказал несколько слов о покаянии и громко на весь собор крикнул: «Кайтесь!» Тут стало твориться что-то невероятное. Вопли, крики, устное исповедание тайных грехов. Некоторые стремились — особенно женщины — кричать как можно громче, чтобы батюшка услышал и помолился за них. А батюшка в это время преклонил колени перед престолом, положил голову на престол и молился. Постепенно крики превратились в плач и рыдания. Продолжалось так минут пятнадцать. Потом батюшка поднялся — пот катился по его лицу — и вышел на амвон.

⁴ Канон (*греч.*) — правило, образец. Канон утрени прославляет какой-либо праздник или святых дня.

Поднялись просьбы помолиться, но другие голоса стали унимать эти голоса — собор стих. А батюшка поднял одной рукой епитрахиль, прочитал разрешительную молитву⁵ и обвел епитрахилью сначала полукругом на амвоне, а потом в алтаре, и началась литургия.

За престолом служило двенадцать священников, и на престоле стояло двенадцать огромных чаш и дискосов. Батюшка служил нервно, как бы выкрикивая некоторые слова, являя как бы особое дерзновение. Ведь сколько душ кающихся он брал на себя! Долго читали предпричастные молитвы — надо было много приготовить частиц. Для Чаши поставили особую подставку около решетки. Батюшка вышел приблизительно около девяти часов утра и стал приобщать. Сначала подходили те, которые были в алтаре. Среди них подошел и я. Батюшка поднял лжицу, чтобы меня приобщить, поднес ко рту и вдруг отвел и опять опустил в Чашу. Меня захолоstinуло, и я застыл: значит, я недостоин Святого Причастия, недостаточно каялся на этой общей исповеди. (Меня действительно все оглушило.) Я стою перед Чашей, и батюшка мне ничего не говорит, а смотрит внутрь Чаши и как бы мешает что-то, потом поднял лжицу уже с двумя частицами Тела Спасителя и приобщил.

---

⁵ Разрешительная молитва «Господь и Бог наш Иисус Христос благодатию и щедротами Своего человеколюбия да простит ти, чадо...» — молитва, которую православный священник произносит в конце таинства Исповеди, возложив на голову кающегося епитрахиль (при индивидуальной исповеди).

Я отошел на клирос и стал смотреть, как общается народ. Около решетки стояла страшная давка, раздавались крики задыхавшихся. Батюшка несколько раз окрикивал, чтобы не давили друг друга, грозя уйти. Перед батюшкой, чтобы не выбили у него Чаши, была поставлена другая решетка, и народ пропускался между двумя решетками. Тут же стояла цепь городских, которые осаживали народ и держали проходы для причастившихся. Народ причащался.

Довольно часто батюшка прогонял от Чаши и не давал Причастия; главным образом — женщин. «Проходи, проходи, — говорил он, — ты обуяна безумием, я предал вас анафеме за то богохульство, которого вы придерживаетесь». Это он говорил иоанниткам — той секте, которая считала батюшку Иисусом Христом, пришедшим второй раз на землю⁶. Много было батюшке неприятностей и горя от этих иоанниток. Они кусали его, если это можно было, для того чтобы хоть капля крови его попала им в рот. Батюшка в соборе обличал их и предавал отлучению от Церкви. Но они, как безумные, лезли к нему и ничего не слушали. И даже от Чаши приходилось их оттаскивать городовым. Несмотря на то, что еще два священника приобщали одновременно в пределах храма, батюшка с Чашей, которую он несколько раз менял, простаивал на ногах с 9 утра до 2½ дня. Надо было дивиться его энергии и силе. Я достоял до самого конца обедни. По окончании ее

---

⁶ Сколь более эта оценка может относиться к людям, считающим разных бесплодных индусов новыми воплощениями Сына Божия. — *Примеч. авт.*

Святые Дары еще остались, и батюшка позвал в алтарь всех, кто был там, приобщался, но не запивал. Поставив всех полукругом перед жертвенником, держа Чашу в руках, он стал приобщать людей вторично, прямо из Чаши. Удивительно трогательная это была картина! Вечеря любви. Батюшка не имел на лице ни тени усталости, с веселым, радостным лицом поздравлял всех. К большому для меня огорчению, я уже съел просфоры и не мог войти в этот святой полукруг. Служба, Святое Причастие давали столько сил и бодрости, что действительно мы с отцом не чувствовали никакой усталости. Испросив у батюшки благословение на возвращение домой, мы, наскоро пообедав, поехали на санях в Ораниенбаум.

Когда я стал студентом, все глубже и глубже я начал понимать отца Иоанна и духовно привязываться к нему... Стали мне вдруг труднее даваться науки, ослабела память — приезжаю в Кронштадт, говорю об этом батюшке; батюшка объясняет мое состояние чрезмерными моими занятиями в гимназии и велит дать отдых мозгу. Я начал духовно привязываться к батюшке, но это были уже последние годы его жизни. Нас он уже стал принимать на своей квартире, как родственников.

Однажды я приехал к нему, а он был очень болен. Матушка, жена его⁷, говорит, что завезли его

⁷ Елизавета Константиновна Сергиева (урожд. Несвицкая; 1829–1909), супруга отца Иоанна Кронштадтского (Сергиева). Пятьдесят три года она была заботливой и предельно скромной служительницей батюшки Иоанна.

в какую-то трущобу и там жестоко избили⁸. Матушка вообще мало рассказывала нам про жизнь отца Иоанна. Называла она его «брат Иван», так как и в действительности он никогда не был ее мужем. Она хотела даже разводиться с ним и подавала на него в суд. Но он был непреклонен, и она смирилась. Теперь она также состарилась, у нее болели ноги, она не могла самостоятельно передвигаться, но о себе не заботилась, а только о «брате Иване».

Она меня просила, если сделается отцу Иоанну хуже, привезти к нему доктора. «Ведь брат Иван докторов не любит, и трудно заставить его принять доктора. Но один доктор Александров ему понравился; когда я вас извещу телеграммой, вы его привезите. Адреса я не знаю, где он живет, но вы так узнайте...» И действительно, спустя недели три получаем мы от матушки телеграмму с просьбой привезти доктора. Я уже заранее просмотрел по книге «Весь Петербург» адреса всех докторов Александровых, съездил к ним и узнал, кто из них был у отца Иоанна. После телеграммы я отправился по определенному адресу. Но оказалось, что доктор уехал на Кавказ. Что тут делать? Сейчас же послал ему телеграмму с просьбой указать заместителя. Тотчас же он нам ответил телеграммой и указал другого доктора. Я отправился по новому адресу, тот

согласился ехать в Кронштадт, но так как было уже одиннадцать часов вечера, то мы решили выехать уже утром и утром же были в Кронштадте.

Батюшка чувствовал себя немного лучше, как сообщила нам встретившая нас матушка. Доктор присел, чтобы обогреться. Вдруг дверь из комнаты батюшки открывается, батюшка выходит и идет прямо к нам, подходит к доктору и неожиданно говорит: «Христос воскрес!» — и троекратно христосует. Я в недоумении смотрю на батюшку. Потом он подошел ко мне, благословил меня и позвал доктора к себе в кабинет.

Около часа доктор пробыл вместе с батюшкой. Потом выходит батюшка радостный и говорит: «А ведь вот доктор велел мне воздухом подышать. Пускай заложат лошадь. Спасибо тебе, — батюшка повернулся ко мне, — большое спасибо за такого хорошего доктора», — и поцеловал меня крепко в щеку. Это для меня было так неожиданно и вместе с тем так радостно, что у меня слезы выступили. Я рад был, что хоть сколько-нибудь услужил батюшке. А он говорит своей жене: «Хозяйка, распорядись накормить В.В. всем, что у нас есть лучшего, накорми обедом, пирогом, который сегодня принесли!» Усадил меня за стол, а сам отправился кататься вместе с доктором.

На обратном пути в Петербург, когда мы с доктором сели в Ораниенбауме в поезд, доктор мне говорит: «А ведь отец Иоанн действительно подвижник, и все, что про него пишут, все это ложь. Почему он меня встретил возгласом “Христос воскрес!”? Он воскресил во мне Христа. Я теперь вспомнил:

⁸ Это было осенью 1907 г. Отца Иоанна пригласили якобы к больному или умирающему — и там избили. И убили бы, если бы не подоспел кучер-богатырь. Все было похоже на покушение, но батюшка запретил говорить об этом, чтобы не было погромов. В газетах объявили, что он болен. С тех пор о. Иоанн тяжело страдал до самой кончины в 1908 г.

отец Иоанн есть тот священник, который исцелил мою жену от истерических припадков, которые называют беснованием. Она не могла выносить близости креста и икон. Я был тогда молодым врачом в Вологде. Проезжал тогда через Вологду к себе отец Иоанн. Я был ветреным молодым человеком, неверующим, а теща моя была очень верующая, и она попросила батюшку заехать к нам.

Он побывал у нас, помолился, возложил на голову моей жены руки, и припадки прекратились. Но я считал это случайностью, самовнушением; был, конечно, доволен, что жена моя стала здоровой, но не придавал никакого значения силе молитвы отца Иоанна. Даже не поинтересовался, кто он такой и откуда он. И вот теперь благодаря вашему случаю я встретил его и убедился, что это действительно подвижник. Мой случай в Вологде батюшка, оказывается, помнит. Там, конечно, было не самовнушение, а исцеление...» Мне было особенно радостно слышать это признание врача.

Это свидание с батюшкой было нашим последним свиданием. Как мне передавали со слов батюшки, Господь потому не дал ему исцеления, что он сам исцелял многих, а исцеляя, брал болезни на себя и *должен был выстрадать*.

При втором моем приезде в Оптину пустынь старец Варсонофий сказал мне: «А мне явился отец Иоанн Кронштадтский и передал вас и вашу семью в мое духовное водительство». И добавил потом: «Вижу я батюшку отца Иоанна, берет он меня за руку и ведет к лестнице, которая поднимается за

облака, так что не видать и конца ее. Было несколько площадок на этой лестнице, и вот довел меня до одной площадки и говорит: “А мне надо выше, я там живу”, — при этом стал быстро подниматься кверху...».

Потом отец Варсонофий рассказал про свою встречу с отцом Иоанном в Москве. «Когда я был еще офицером, мне по службе надо было съездить в Москву. И вот на вокзале я узнаю, что отец Иоанн служит обедню в церкви одного из корпусов. Я тотчас поехал туда. Когда я вошел в церковь, обедня уже кончалась. Я прошел в алтарь. В это время отец Иоанн переносил Святые Дары с престола на жертвенник. Поставив Чашу, он вдруг подходит ко мне, целует мою руку и, не сказав ничего, отходит опять к престолу. Все присутствующие переглянулись и говорили после, что это означает какое-нибудь событие в моей жизни, и решили, что я буду священником. Я над ними потешался, так как у меня и в мысли не было принимать сан священника. А теперь, видишь, как неисповедимы судьбы Божии, я не только священник, но и монах». При этом батюшка отец Варсонофий сказал между прочим: «Не должно уходить из церкви до окончания обедни, иначе не получишь благодати Божией. Лучше прийти к концу обедни и достоять, чем уходить перед концом».

Другой оптинский иеромонах, Варсис⁹, рассказал мне, что с ним произошел тот же случай, что

---

⁹ Варсис (Виноградов; 1872–1937), иеромонах. Поступил в Оптину пустынь в 1895 г. В 1913 г. рукоположен во иеромонаха. После закрытия монастыря в 1931 г. был арестован и осужден. После второго ареста в 1937 г. расстрелян.

и со мной, когда отец Иоанн меня приобщил двумя частицами Тела Господня. Это, по его мнению, было указанием его монашества. Отец Варсонофий не мог объяснить сего случая, но сказал, что он, несомненно, означает что-то важное. Вообще старец большое значение придавал поступкам священника после того, как он приобщится.

«Бывало со мной несколько раз, — говорил старец, — отслужишь обедню, приобщишься и затем идешь принимать народ. Высказывают тебе свои нужды. Другой раз сразу затрудняешься ответить определенно, велишь подождать. Пойдешь к себе в келлию, обдумаешь, остановишься на каком-нибудь решении, а когда придешь сказать это решение, то скажешь совсем другое, чем думал. И вот это есть действительный ответ и совет, которого если спрашивающий не исполнит, навлечет на себя худшую беду. Это и есть невидимая Божия благодать, особенно ярко проявляющаяся в старчестве после приобщения Святых Таин».

Старец отец Варсонофий Оптинский

В миру отца Варсонофия звали Павлом Ивановичем Плиханковым. Он происходил из оренбургских казаков, закончил Полоцкий кадетский корпус¹⁰ и в офицерском чине вышел из

¹⁰ О Полоцком кадетском корпусе сам старец Варсонофий нигде не говорит, он упоминает о военной гимназии. См.: Дневник послушника Николая Беяева (преподобного

Оренбургского военного училища. В Петербурге он окончил казачьи офицерские штабные курсы. Участвовал в пограничных боях в Туркестане¹¹. Служил в штабе Казанского округа.

Родился он 5 июля и считал преподобного Сергия Радонежского¹² своим покровителем. «Приходилось, — говорил батюшка, — делать по службе приемы, приглашать оркестр, устраивать танцы; были карты, вино. Меня это очень тяготило. Лучше бы те деньги, которые затрачивали на эти парадные приемы, использовать на другие цели. Но моя служба по штабу заставляла меня так поступать».

И вот заболел батюшка воспалением легких. Доктора определили положение безнадежным. Да и батюшка, а тогда — полковник П.<авел> И. <ванович> П.<лиханков> — почувствовал приближение смерти и велел своему денщику читать Евангелие, а сам забылся... И здесь ему было чудесное видение. Он увидел открытыми небеса и содрогнулся весь от великого страха и света. Вся жизнь пронеслась мгновенно перед ним. Глубоко

оптинского старца Никона). Запись от 20 апреля 1910 г. Изд. Введенской Оптиной пустыни, 2004. Но есть сведения, что в то время кадетские корпуса были переименованы в военные гимназии, а впоследствии к ним снова вернулось старое название.

¹¹ Согласно житию, участие в военных действиях в Туркестане является малодостоверным фактом, сам старец Варсонофий о войне в Туркестане никогда не вспоминал. См.: Житие схиархимандрита Варсонофия. Изд. Введенской Оптиной пустыни, 1995.

¹² Преподобный Варсонофий Оптинский родился 5 июля (по ст. стилю) 1845 года, в день памяти игумена земли Русской преподобного Сергия Радонежского.

был он проникнут сознанием покаянности за всю свою жизнь и услышал голос свыше, повелевающий ему идти в Оптину пустынь. Здесь у него открылось духовное зрение. Он уразумел глубину слов Евангелия.

Я слышал несколько раз, как говорил старец отец Нектарий: «Из блестящего военного в одну ночь, по соизволению Божию, он стал великим старцем». Это была тайна батюшки. Говорить о ней стало возможным только после его смерти.

К удивлению всех, больной полковник стал быстро поправляться, выздоровел и уехал в Оптину пустынь. Старцем в Оптиной был в это время отец Амвросий¹³. Он велел ему покончить все дела в три месяца¹⁴ с тем, что если он не приедет к сроку, то погибнет.

И вот тут у батюшки начались различные препятствия. Приехал он в Петербург за отставкой, а ему предложили более блестящее положение и задерживают отставку. Товарищи смеются над ним, уплата денег задерживается, он не может расплатиться со всем, с чем нужно, ищет денег взаймы

и не находит. Но его выручает старец Варнава¹⁵ из Гефсиманского скита, указывает ему, где достать денег, и тоже торопит исполнить Божие повеление. Люди противятся его уходу, находят ему даже невесту... Только мачеха его радовалась и благословила его на иноческий подвиг. С Божией помощью он преодолел все препятствия и явился в Оптину пустынь в последний день своего трехмесячного срока. Старец Амвросий лежал в гробу в церкви, и батюшка приник к его гробу¹⁶.

Преемник старца Амвросия старец Анатолий¹⁷ дал батюшке послушание быть служкой при иеромонахе Нектарии (последнем великом старце оптинском)¹⁸. Около отца Нектария отец Варсоно-

¹⁵ Иеромонах Варнава (Меркулов; 1831–1906), духовник братии Гефсиманского скита Троице-Сергиевой лавры и известный на всю Россию народный духовник и старец. В 1995 г. причислен Церковью к лику святых. Память преподобного чтится 17 февраля/2 марта, 6/19 июля.

¹⁶ Здесь неточность. Старец Амвросий почил 10 октября 1891 г., а Павел Иванович прибыл в Оптину 24 декабря, под Рождество.

¹⁷ Иеросхимонах Анатолий (Зерцалов; 1824–1894), ученик преподобных Макария и Амвросия Оптинских. С 1873 г. — духовник братии и скитоначальник. По благословению старца Амвросия наставлял насельниц женской Шамординской обители. Церковь чтит его память 25 января/7 февраля.

¹⁸ Иеромонах Нектарий (Тихонов; 1852–1928) поступил в Скит в 1873 г. и почти пятьдесят лет прожил в его ограде. Он был духовным сыном прп. Анатолия (Зерцалова), а на совет ходил к прп. Амвросию. В 1887 г. был пострижен в мантию, в 1898 г. рукоположен во иеромонаха. Двадцать лет он провел в своей келлии, выходя из нее только на послушание, в храм и к старцам. В уединении он проходил умное делание, читал духовные и многие другие книги — так великие оптинские старцы готовили его к будущему служению. См. о нем далее на с. 31–36.

¹³ Иеросхимонах Амвросий (Гренков; 1812–1891), ученик старцев Льва (Наголкина) и Макария (Иванова). Подвизался в Оптиной с 1839 г. В 1842 г. принял монашеский постриг, в 1845 г. рукоположен во иеромонаха. Тридцать лет нес подвиг старчества, окормляя не только духовных лиц, но и простой народ, великих князей, писателей и многих других. В 1988 году прославлен Церковью в лике преподобных. Дни его памяти — 27 июня/10 июля, 10/23 октября.

¹⁴ Здесь автором допущена неточность. В первый раз офицер Плиханков приехал в Оптину летом 1889 г. Старец Амвросий дал ему срок в два года — «для прохождения йскуса», а уже в 1891 г. старец определил ему срок в три месяца.

фий прошел в течение десяти лет все степени иноческие, вплоть до иеромонаха¹⁹, и изучил теоретически и практически святых отцов. В 1904 году был послан на Дальний Восток²⁰ обслуживать лазарет имени преподобного Серафима Саровского, а по возвращении с фронта был назначен игуменом Оптинского скита²¹. Здесь я его и застал.

Бывая на религиозных студенческих собраниях в Петербурге, мне пришлось познакомиться с одним студентом духовной академии — Вас.<илием> Прокоп.<евичем> Тарасовым. Мне чрезвычайно нравились его захватывающие душу проповеди. Один раз он в своей проповеди коснулся вопроса о старчестве. Я как раз в это время перечитывал «Братья Карамазовы», и меня очень интересовал тип старца Зосимы. Я подошел к Тарасову и спросил, не знает ли он, существуют ли в настоящее время такие благодатные старцы. Он мне ответил, что старчество, по преемственности, и сейчас существует, и находятся

¹⁹ В 1891 г. полковник П.И. Плиханков уволился с военной службы и 24 декабря этого же года поступил в Оптинский скит. В 1900 г. пострижен в мантию с именем Варсонофий, в 1903 г. рукоположен в сан иеромонаха. Вскоре был назначен помощником скитоначальника и духовника братства старца Иосифа и одновременно духовником сестер Шамординской женской обители.

²⁰ Во время Русско-японской войны 1904–1905 гг. отец Варсонофий был направлен священником в полевой лазарет для солдат. Пребывал на фронте, порою в опасных для жизни ситуациях, с апреля 1904 по октябрь 1905 г. Награжден наперсным крестом.

²¹ По окончании войны отец Варсонофий вернулся к духовничеству. В 1907 г. возведен в сан игумена и назначен скитоначальником.

такие старцы в Оптиной пустыни. Об Оптиной пустыни я не имел понятия. Для ознакомления он мне посоветовал прочитать жизнеописание старца отца Амвросия. Я прочитал, и у меня возгорелось желание непременно повидать этих старцев. Это было не одно только любопытство, но и внутреннее какое-то тяготение; я чувствовал особенное сиротство духовное после смерти отца Иоанна Кронштадтского.

В одно из посещений Тарасова нашей семьи я ему предложил съездить вместе в Оптину пустынь. Он согласился. К нам присоединился еще один студент Горного института, Иван Михайлович Серов. И вот мы втроем в начале летних каникул²² 1910 года отправились в Оптину пустынь.

Пустынь находится в Калужской губернии, в двух верстах от города Козельска. Она расположена в живописной местности, на высоком берегу реки Жиздры и окружена вековым сосновым бором. Последний подъезд к ней — на пароме. К нашему приезду, утром, свободных комнат в гостинице не оказалось, и нам монах-гостинник²³ предложил остановиться в одной пустой даче, принадлежавшей генеральше Максимовской. Это было еще удобнее для нас; здесь уже мы никого не стесним. Мальчик-подросток принес нам самовар, и мы отдохнули, напившись чаю с особыми булками из просфорного крутого теста.

Было девять часов утра. Мы решили тотчас же идти к старцу. Сначала зашли к гостиннику

²² Каникулы — перерыв учебных занятий, каникулы.

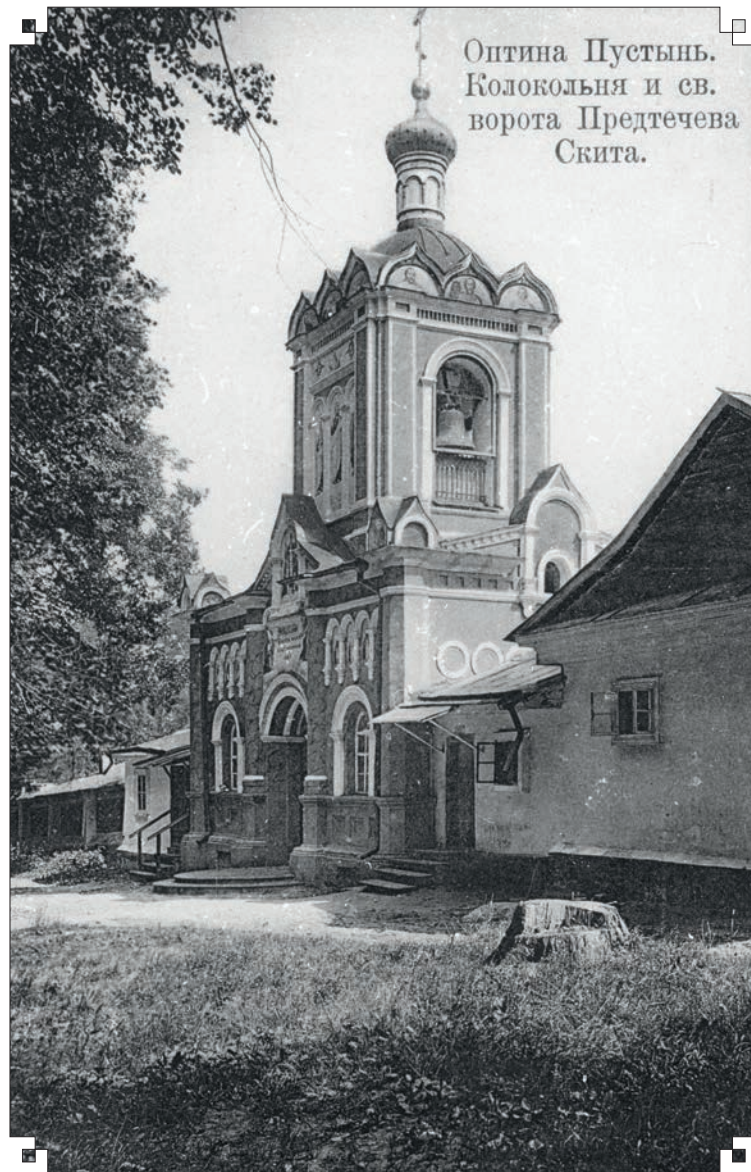
²³ Гостинник — монах, несущий послушание в гостинице для паломников.

Общий вид Оптиной пустыни.
Литография нач. XX века

Переезд через реку Жиздру. *Фото нач. XX века*

Оптина Пустынь.
Колокольня и св.
ворота Предтечева
Скита.

Оптина пустынь.
Колокольня и св. ворота Предтечева Скита

и спросили, где здесь живет старец. Он рассказал, как пройти в Скит и где можно увидеть старца отца Иосифа²⁴, бывшего келейника отца Амвросия. Мы сначала думали, что это и есть единственный старец оптинский. К Скиту из монастыря вела извилистая дорожка среди густого бора. По дороге нам встречались послушники, монахи, и все они, опустив глаза, кланялись в пояс. Эта тишина, эти безмолвные поклоны как-то таинственно действовали на душу, подготавливая ее к чему-то большому. Вот показался и Скит²⁵, обнесенный деревянной стеной. Прямо были большие глубокие ворота, над которыми высилась колокольня. В глубине ворот по обеим сторонам были нарисованы изображения святого Иоанна Крестителя и египетских пустынножителей. С наружной стороны стены по обеим сторонам ворот находились крылечки, через которые входили к старцам женщины²⁶. Внутри Скита женщин не впускали. Мы же через маленькую калиточку в воротах вошли внутрь Скита и сразу были

²⁴ Иеросхимонах Иосиф (Литовкин; 1837–1911), ученик и духовный преемник старца Амвросия. В Оптину поступил в 1861 г.; тридцать лет исполнял послушание келейника старца Амвросия. В 1872 г. пострижен в монашество, в 1884 г. рукоположен во иеромонаха. С 1894 по 1907 гг. — начальник Скита, старец, духовник братства и шамординских насельниц. Отличался великим смирением и незлобием. Его память чтится 9/22 мая.

²⁵ Оптинский скит во имя Пророка и Крестителя Господня Иоанна основан в 1821 г. по благословению епископа Калужского Филарета (Амфитеатрова; † 1857) трудами схииеромандрита Моисея и схиигумена Антония (Путиловых).

²⁶ Снаружи Скита находились по обеим сторонам колокольни «хибарки» — пристройки к кельям старцев, где они беседовали с женщинами.

поражены благоуханием воздуха, оно было от кустов роз и цветников. Везде была безукоризненная чистота. К нам тотчас же из келлии вышел привратник и спросил, кого мы хотим видеть. Узнав, что мы пришли к старцу Иосифу, он указал нам направо его домик. Дверь была заперта — мы постучали. К нам вышел келейник и сказал, что батюшка очень слаб и вряд ли примет, но все-таки пошел и доложил, что приехали три студента из Петербурга.

Старец Иосиф разрешил нас впустить в приемную. Через некоторое время мы увидели седого, слабенького, маленького роста старца. Он вынес нам три листочка издания Троице-Сергиевской лавры и просил его простить, что он очень слаб и не может с нами побеседовать. Он благословил нас, каждого в отдельности, и дал нам по листочку. Мы вышли, сели на скамеечку среди цветников и стали читать листочки. Мне попался листочек под заглавием «Что такое культура», где высказывалась мысль о вреде ложной культуры на духовное развитие человека, так как она действует расслабляюще на человеческую волю.

Сидя в садике, мы не видали ни одного монаха. Оказывается, по уставу скитские монахи не имеют права посещать друг друга без разрешения старца. У каждого монаха и послушника была отдельная келлия, причем таких келлий было по две в каждом домике. Домики были разбросаны среди фруктовых деревьев, маленькие, беленькие, с зелеными крышами. Тут же было и кладбище.

Посидев на скамеечке среди полной тишины с полчаса, мы отправились к себе на дачу.

Преподобный старец Иосиф

На обратном пути мы встретили молодого, с интеллигентным лицом, монаха, который, поздоровавшись с нами, остановился и спросил, откуда мы. «Приятно видеть, — сказал он, — таких молодых людей-студентов, стремящихся к единой Божией истине, и поэтому хочется с вами познакомиться. Нас здесь часто посещают студенты-толстовцы²⁷. Некоторые из них — закоренелые, упорные, с большим самомнением — так и остаются недоступными для благодати Божией, а люди искренние благодаря молитвам и беседам великого старца отца Варсонофия делаются истинными сынами Православной Церкви. Вы не видели этого старца?» Мы ответили, что не знали о нем, а были у старца Иосифа.

«Старец Иосиф не даст вам того, он слаб очень здоровьем и руководит только сестер Шамординского монастыря, который основал старец Амвросий²⁸. Нашим же старцем, старцем братии является игумен Скита отец Варсонофий. Он сейчас утром занят хозяйственными распоряжениями и письмами, а принимает с 2 ½ часов. Непременно посетите его, получите великое утешение». С этими словами он пошел дальше.

Вернулись мы к себе в одиннадцать часов, как раз к обеду. Мужчины-богомольцы могут ходить на общую монашескую трапезу. Но нам для первого

²⁷ Толстовцы — последователи религиозно-нравственного учения писателя Л.Н. Толстого. См. примеч. 35 на с. 17.

²⁸ Казанская Амвросиевская женская пустынь близ дер. Шамордино Калужской губернии основана прп. Амвросием в 1884 г. К началу XX в. в обители подвизалось более 800 сестер. В 1923 г. монастырь был закрыт и разорен. Ныне монашеская жизнь возобновлена.

раза принесли обед в комнату. Обед состоял из перлового супа, вареной рыбы и гречневой каши; порции давали очень большие, вместе с черным ржаным сладковатым хлебом. Для питья принесли чудный квас. После обеда мы полежали немножко и отправились осматривать монастырь. Он занимал довольно большую площадь, обнесенную каменной стеной, на четырех углах которой были водружены металлические ангелы с трубами; ангелы при ветре вращались и издавали особый скрипящий звук, который постоянно будил внимание богомольцев.

Внутри ограды монастырской было три больших храма. Главный храм был посвящен Казанской иконе Божией Матери. Около алтаря этого храма были похоронены оптинские старцы: Макарий²⁹, Лев³⁰ (Леонид), Анатолий, Амвросий (впоследствии — Иосиф и Варсонофий). Над каждой могилой была воздвигнута гробница, горели неугасимые лампы³¹. Здесь почти в продолжение целого дня

²⁹ Иеросхимонах Макарий (Иванов; 1788–1860), ученик прп. Льва Оптинского. В Оптину поступил в 1834 г., уже будучи рукоположенным во иеромонаха в Площанской пустыни. С 1836 по 1854 г. был духовником братии, с 1839 г. — скитона начальником. Духовно окормлял монашествующих и других монастырей. Под его руководством в Оптиной началось издание творений святых отцов Церкви. День его памяти совершается 7/20 сентября.

³⁰ Иеросхимонах Лев (Наголкин; 1768–1841) — основатель и вдохновитель оптинского старчества. Поступил в Оптину в 1797 г., затем подвизался в других монастырях и пустынножительствовал под руководством учеников прп. Паисия (Величковского). В 1829 г. вернулся в Оптину пустынь, где нес послушание духовника братии и богомольцев. Церковь чтит его память 11/24 октября.

³¹ Здесь допущена автором неточность: Казанский храм является самым большим в Оптиной, а главный — Введенский

совершались панихиды очередными³² иеромонахами. Тут же рядом, между храмами, среди фруктовых деревьев, погребались и остальные члены монастырской братии.

При осмотре монастыря меня удивило, что я не видел нигде никакой тарелки или кружки для сбора. Раньше, под влиянием суждений нашего общества, у меня укоренилось убеждение, что монахи — тунецы и стараются всеми мерами обирать богомольцев, страшая их будущими муками, если они не выявят своей щедрости. Здесь же царил дух любви, нестяжательности и все безмездно старались услужить тебе, хотя никто тебя не знал. Но почему-то нас все спрашивали, не толстовцы ли мы.

Осмотрев монастырь, побывав в храмах, мы через восточные ворота отправились в Скит к старцу — игумену Скита отцу Варсонофию. Прием у него уже начался, и двери были открыты. Через малый стеклянный балкончик мы вошли в коридор, по стенам которого стояли скамейки. Обыкновенно по временам выходил сюда к посетителям келейник старца и спрашивал, кто они такие и откуда, и докладывал старцу. Но сейчас мы этого не увидели. Как только мы втроем вступили в коридор, дверь из келлии старца отворилась, и он в необыкновенной красоте

собор. Могилы упоминаемых автором старцев находились не около Казанского храма, а около Введенского. Над местом их погребения были построены небольшие часовни, разрушенные в советские годы.

³² Очередные иеромонахи — священнослужители, совершающие служение (богослужения, требы) в особой, установленной очередности.

предстал пред нами — высокого роста, статный, величественный, с головой, покрытой белыми серебристыми волосами без всякого оттенка желтизны. На лице его была ласковая улыбка. Он распростер руки и сказал: «Наконец-то давно ожидаемая мной троица ко мне явилась. Что вы так долго собирались приехать сюда? Я вас ждал. Пожалуйста, пожалуйста сюда», — и принял нас к себе в келлию.

Мы с трепетом подошли к нему под благословение, он потрепал каждого по голове. Сам встал в дверях, а нам велел пройти вперед и разместиться кто где хочет. Я сел в кресло около иконостаса и стал осматривать келейку. Она была небольшая, в углу помещалось несколько образов с лампадой, перед ними стоял аналой. Обстановка комнаты состояла из стола, дивана и трех кресел. Часть комнаты была отделена занавеской, за которой помещалась кровать старца. По стенам висели портреты прежних старцев.

Как только мы разместились, старец вошел в комнату и сразу подошел ко мне: «Ишь ты какой! Я встал в дверях и смотрю, кто куда сядет, а ты взял да и сел на место старца!» Я в смущении встал и говорю: «Простите, батюшка, я не знал, сейчас пересяду». А он положил мне руки на плечи, и посадил опять, и говорит: «Старцем захотел быть, а может быть, им и будешь», — и сам поднял глаза и стал смотреть кверху... Потом посмотрел на меня и продолжает: «Болит мое сердце за тебя, ты не кончишь института. Почему — не знаю, но не кончишь».

Позже, в другие мои посещения Оптиной, он мне говорил: «Брось институт и помогай отцу».

Но я был увлечен институтом, мне хотелось приобрести знания, я и говорю батюшке: «Дайте мне поучиться, меня интересует это». Он посмотрел на меня с улыбкой и сказал: «Ну, если хочешь, учись, только все равно не кончишь». Так оно и сбылось: сначала болезнь моя, затем немецкая война³³ и, наконец, гражданская³⁴ не дали мне кончить института.

Батюшка позвонил в колокольчик. Явился келейник, и он велел ему поставить самовар и приготовить чай. А сам сел с нами и стал беседовать. Сначала он вспоминал о Петербурге, где он был, когда учился на офицерских курсах: «Давно это было, я тогда был прикомандирован к Преображенскому полку и все ходил в церковь, в Преображенский собор... Я каждый день ходил к ранней обедне. Так приучила меня мачеха, и как я теперь ей благодарен! Бывало, в деревне, когда мне было только пять лет, она каждый день будила меня в шесть часов утра. Мне вставать не хотелось, но она сдергивала одеяло и заставляла подниматься, и нужно было идти, какова бы ни была погода, 1 ½ версты — к обедне. Спасибо ей за такое воспитание! Она показала свою настойчивость благую, воспитала во мне любовь к Церкви, так как сама всегда усердно молилась».

После этих воспоминаний он перешел к теме о Толстом³⁵. Великое зло это толстовское учение,

³³ Речь идет о Первой мировой войне 1914–1918 гг.

³⁴ Гражданская война в России 1917–1922 гг.

³⁵ Религиозно-нравственные искания Л. Толстого (1828–1910) привели его к созданию собственного антицерковного учения, в котором под лозунгами всеобщей любви, всепрощения и самосовершенствования писатель проповедовал ниспровержение всех догматов Православной Церкви, глумился

сколько оно губит молодых душ! Раньше Толстой действительно был светочем в литературе и светил во тьме, но впоследствии его фонарь погас, и он очутился во тьме и, как слепой, забрел в болото, где завяз и погиб. (При кончине Толстого отец Варсонофий был по приказанию Синода командирован на станцию Астапово для принятия раскаяния умиравшего и сопричисления его снова в лоно Церкви, но не был допущен к Толстому в комнату окружавшими его лицами.)³⁶ Отцу Варсонофию всегда трудно было рассказывать об этом, он очень волновался.

Пока батюшка беседовал с нами, келейник принес чай в стаканах, поставил на стол мед из собственных скитских ульев, варенье и маслины. Батюшка стал угощать как радушный хозяин, сам накладывал на тарелочки и мед, и варенье. Велел принести еще доброхотного жертвования паюсной икры, намазывал ее на белый хлеб толстым слоем, убеждал нас не стесняться. Сам он потом пошел на женскую половину, чтобы благословить собравшихся, а из мужчин больше никого не принимал для беседы, давал только благословение. Узнав, что мы прибыли сюда недели на полторы, он распределил дни нашего

над Святыми Таинствами вплоть до богохульства. В 1901 г. Святейший Синод признал Толстого отпавшим от Церкви.

³⁶ Толстой несколько раз бывал в Оптиной. Трижды он беседовал и спорил о вере со старцем Амвросием, который предлагал Толстому принести покаяние, но он был настроен непримиримо. В 1896 г. встречался со старцем Иосифом. Посетив Оптину в 1910 г., войти в Скит не решился. На обратном пути, 7 ноября, он умер от скоротечной болезни, так и не успев покаяться.

Преподобный старец Варсонофий

гуляния и дни нашего говения³⁷. Благословил нас также съездить и в Шамординскую обитель. Затем при прощании он взял мою голову и прижал к своей груди, лаская меня с великой любовью и высказывая сожаление, что я не кончу института. Такое обращение старца со мною удивило меня и тронуло до слез: я не знал родительской ласки.

На следующий день мы опять пришли к отцу Варсонофию в приемный час. Опять он нас пригласил в свою келлию, велел келейнику отцу Григорию³⁸ приготовить нам чай, а сам пошел в приемную исповедать говеющих. Мы сидели в его келлии тихо, с благоговением, изредка лишь перекидываясь словами. Наконец батюшка опять появился светлым, радостным и стал нас угощать. Потом он повел беседу насчет различных сект: хлыстов, баптистов и др. Вот баптисты-перекрещенцы какой ужасный грех совершают против Духа Святаго, перекрещивая взрослых: они смывают первое крещение и уничтожают благодать печати дара Духа Святаго!

Побеседовав с час времени, он поднялся и сказал: «Я имею обычай благословлять своих духовных

детей иконками. У меня их в ящике много и самые разнообразные, и вот я с молитвою беру первую попавшую икону и смотрю, чье там изображение. Другой раз оно говорит многое». Так, старец вынул иконку и для меня и смотрит, какое там изображение. Оказывается, ему попалось изображение иконы «Утоли моя печали». «Какие же такие великие печали у тебя будут?» — и, держа икону, задумался. «Нет, Господь не открывает». Благословил меня ею и опять с лаской прижал мою голову. И вот тут, на груди у старца, чувствуешь глубину умиротворения и добровольно отдаешься ему всем сердцем. Эта его любовь охватывает тебя, и ограждает, и пленяет... «Завтра, — говорит, — воскресенье, сегодня идите ко всеобщей, а утром в шесть часов приходите в Скит к обедне». Он проводил нас до крыльца и еще раз благословил.

Придя к себе, мы услышали звон в монастырской трапезной к ужину. Вот мы и отправились туда. Трапезная занимала очень обширное помещение, так как монахов в монастыре было около четырехсот человек. Столы были расставлены большим четырехугольником, посередине на возвышении помещался аналой. На этом возвышении монахи по очереди читают жития святых во время обеда и ужина. На столе у каждого стоял прибор из деревянной тарелки, ложки и вилки. Черный хлеб лежал у каждого на тарелке. Кроме того, на столе было поставлено много сосудов с квасом, и при них лежали ковшики. По звону настоятеля или его келейника совершалась молитва, а по второму звонку открывались двери из кухни, которая находилась рядом;

³⁷ Говение — приготовление к таинству Святого Причащения, заключающееся в посте, воздержании, молитве, посещении богослужений и исповеди.

³⁸ Имеется в виду будущий иеромонах Геронтий (Ермаков; 1886–1938). Будучи отставным офицером, поступил в 1910 г. в Скит и определен келейником о. Варсонофия. В 1918 г. пострижен в монашество. В 1928 г. рукоположен во иеромонаха. В 1930 г. был арестован и приговорен к пяти годам лагерей; в 1937 г. вновь арестован и отправлен в Сиблаг. В 1938 г. расстрелян.

целый ряд послушников разносил по столам большие миски. Каждая миска полагалась на четырёх монахов. Кто хотел, тот откладывал себе на тарелку, а то, большей частью, четверо ели из одной миски.

После трапезы мы отправились к себе, чтобы посидеть, набраться сил для стояния во время всенощной. Всенощная началась в 6 ½ часов вечера и кончилась в 11 ½ часов ночи. Ко всенощной должны были собраться все монахи, оставляя свои работы. В церкви вдоль стен были расположены поднимающиеся сидения. Почти у каждого монаха было определенное место. Ближайшие к нам монахи уступили нам свои сидения, потому что, говорили они, служба долгая и мы очень устанем. Как ни было нам тяжело с непривычки, но мы все-таки достояли и досидели до конца. Утром поднялись в начале шестого часа и пошли к обедне в Скит. Служил как раз сам старец Варсонофий. Служил он спокойно, ровным, тихим голосом. Сама обстановка, некоторый мрак, темные позлащенные иконы способствовали возникновению молитвы. После обедни, давая целовать нам крест, он пригласил нас тотчас же зайти к нему испить чашку чаю. Тут он нас опять угощал как радушный, гостеприимный хозяин. Расспрашивал нас о нашей городской жизни и с кем мы ведем знакомство. Опять с великой лаской и добротой отпустил нас, пригласив к обеду в скитскую трапезную к 11 ½ часам, чем мы и воспользовались.

Порядок в скитской трапезной был такой же, как и в монастыре. Только постнический устав был здесь строже. Молочное в скиту разрешалось только на масляную и Светлую неделю, а в остальное время

все было на постном масле; в среду и пятницу была пища вовсе без масла. Отец Варсонофий присутствовал за трапезой и посадил нас троих возле себя, и ели мы с ним из одной миски. «У нас здесь пища здоровая, — говорил он, — потому что все делается с благословения и с молитвой. Каждое утро, в пять часов, приходит повар и просит благословения растопить печь. Получив это благословение, он идет с фонариком в храм Божий, молится и берет огонь от неугасимой лампы перед чудотворной иконой Божией Матери³⁹ и затем растапливает этим огнем печь».

После обеда старец пошел к себе отдохнуть и нам велел идти отдыхать, а на следующий день благословил съездить в Шамординский монастырь. Вернувшись из Шамордино, мы приступили к говению. По монастырскому уставу миряне должны были за два дня до Святого Причастия есть пищу без масла. Там всегда специально для говеющих готовили особый стол. Во время говения нужно ходить ко всем монастырским службам. А службы там в будни распределялись таким образом. От 3 ½ до 5 ½ часов шла вечерня и читались каноны. Затем в 7 часов ужин, а в 8 ½ часа — вечерние молитвы в особом храме. Потом идут и отдыхают до 12 ½ ч. ночи. В половине первого раздается звон к утрени. Последняя продолжается до четырех часов утра. От четырех до пяти часов читались каноны и молитвы перед Причастием. Мы так утомились за ночь, что прямо засыпали.

³⁹ В храме во имя святого пророка Иоанна Предтечи в Скиту находилась местночтимая икона Божией Матери «Знамение», вероятно, речь идет об этом образе.

После ранней обедни, которая окончилась в семь часов, мы пошли к отцу Варсонофию. Он положил руку на голову, и усталость вся исчезла, и появилась бодрость. Исповедал он нас днем. Сначала перед исповедью он обыкновенно вел общие беседы. При помощи различных случаев в жизни он указывал на забытые или сомнительные грехи присутствующих.

Со мной был один случай. Наша семья имела свой абонемент на оперные спектакли в Мариинском театре Петербурга. И вот, это было за год до моего приезда в Оптину, на наш абонемент давали «Фауста» с Шаляпиным как раз накануне 6 декабря, дня святителя Николая Чудотворца. Мне чрезвычайно захотелось прослушать эту оперу с Шаляпиным. Ну, думаю, ко всеобщей мне не придется идти, так я встану пораньше на следующий день и схожу к утрени. И вошел я в такой компромисс сам с собой. Побывал в опере, а утром, с опозданием, отслушал утрению, а затем — раннюю обедню и думал: «Ну, почтил я сегодня память угодника Божия, святителя Николая». Хотя что-то в душе кольнуло, но это забылось.

И вот батюшка перед исповедью и говорит, что бывают случаи, когда и не подозреваешь своих прегрешений. Как, например, вместо того чтобы почтить память такого великого угодника Божия — Николая Чудотворца 6 декабря и сходить ко всеобщей, а тут идут в театр для самоуслаждения. Угодник же Божий на задний план отодвигается, вот и грех совершен.

Затем другой случай был, в Голутвином уже монастыре. Там женщины и мужчины говели вместе,

и батюшка беседовал в одной приемной: говело, должно быть, человек пятнадцать, мужчин и женщин. И вот батюшка говорит: «Полюбила одна барышня молодого человека, а он не отвечал ей своей взаимностью и ухаживал за другой. Тогда в барышне возникло чувство ревности, и она захотела отомстить молодому человеку. Она воспользовалась тем обстоятельством, что он ходил постоянно кататься на коньках, на тот же каток, куда ходила и она. У нее пронеслась мысль: “Искалечу его, пускай он не достанется и моей сопернице”. И вот, когда он раскатился, она ловко подставляет ему подножку, тот упал назад и сломал себе руку. Но это еще слава Богу, мог бы получить сотрясение мозга и умереть. И было бы смертное убийство. И такие случаи часто забываются на исповеди».

Во время этого рассказа я почувствовал, что в мои плечи впились чьи-то пальцы. Я оглянулся и увидел, что ухватилась за меня одна девушка восемнадцати лет, моя родственница, побледневшая как полотно. Я подумал, что ей просто дурно сделалось от духоты, и поддержал ее. А она потом мне говорит: «Да ведь это батюшка меня описал! Это была моя тайна, откуда он мог узнать?!»

Такие беседы батюшка вел всегда перед исповедью, открывая души присутствующих; при этом он и не смотрел ни на кого, чтобы не смущать и явно не указывать. После беседы старец производил общую исповедь. Давал одному из говеющих требник, где был описан порядок исповеди и исповедальная молитва, где перечисляются все общие каждому человеку грехи. При этом батюшка требовал

и придавал большое значение тому, чтобы говеющий прослушивал в церкви молитву перед исповедью. Он отказывался исповедать, если эта молитва не была выслушана. Но иногда он снисходил к человеку и сам ее читал перед исповедью, что делал и для меня грешного.

После этой общей исповеди он уже исповедал каждого отдельно, очень внимательно и с любовью относясь к каждому, врачую душу каждого. («Если бы, — говорил он, — придерживаться постановлений Вселенских Соборов, то на всех надо положить епитимью⁴⁰, а многих и отлучить временно от Церкви, но мы немощны, слабы духом и поэтому надеемся на бесконечное милосердие Божие».) Благословляя говеющих, он советовал после вечерни, на которой читают каноны, не вкушать ничего до причастия Святых Таин. В исключительных случаях разрешал выпить одного чая.

Я рассказал старцу случай со мной у отца Иоанна Кронштадтского, когда меня, евшего днем мясо, отец Иоанн допустил на следующий день к Причастию. Отец Варсонофий сказал: «Да, отец Иоанн был великий молитвенник, подвижник дерзновенный; он мог у Господа просить всего и замолить все, а я, грешный человек, не имею такого дерзновения и поэтому не решаюсь допустить в монастыре нарушения устава для мирян. Да ведь не трудно поговорить

два дня, да к тому же часто это бывает и полезно. А теперь идите с миром. Господь да поможет вам приобщиться Святым Тайнам, а после обедни приходите пить чай ко мне». И мы пошли, покойные и умиротворенные в душе.

В 3 ½ часа пошли к вечерне, в 8 часов — на вечерние молитвы и тотчас же легли спать, так как в двенадцать часов нужно было вставать к утрени. Благодаря молитвам батюшки мы отговели легко, приобщились Святых Таин за ранней обедней и пошли пить чай прямо к старцу. Тот встретил нас с радостью и с благодарением Богу. Угощал нас и предупредил, что иногда в день Причастия бывает тягостное настроение, но на это не надо обращать внимания и не надо отчаиваться, так как в этот день диавол особенно ополчается на человека и действует на него гипнозом. При этом батюшка сказал, что гипноз — злая, нехристианская сила. «Благодаря этому гипнозу диавол смущает нас, священнослужителей, когда мы совершаем литургию. Он не может приблизиться к жертвеннику, который окружен Ангелами, вот диавол внушает мысли сомнения и богохульные мысли. Но молитвой и Божией помощью они отгоняются. Точно так же вновь появившаяся игра футбол... Не играйте в эту игру и не ходите смотреть на нее, потому что эта игра также введена диаволом и последствия ее будут очень плохие».

После чаю он послал нас погулять: ложиться днем спать в день Святого Причастия не советовал. По совету батюшки мы и отправились до обеда погулять, а в монастыре зайти еще к одному иеромонаху,

⁴⁰ Епитимия́ (*греч.*) — духовно-исправительная мера, средство помощи кающемуся в борьбе с грехом. Епитимия назначается духовником в виде дополнительных поклонов, молитв, поста, недопущения до Причастия на определенный срок, а за особо тяжкие грехи даже отлучают от Церкви.

Анатолию⁴¹, духовнику простонародья. Это тоже дивный старец, похожий на преподобного Серафима, сгорбленный и с постоянно веселым лицом, так как бы чудится, что сейчас скажет, как преподобный Серафим: «Радость моя!» Он принял нас очень приветливо и ввел в свою комнату. Келлия его была довольно обширная, но все столы и стулья были у него заняты листочками духовного содержания и образами. Он переспросил нас, откуда мы, благословил нас и дал нам листочки. Когда он благословляет, так сразу видна его благоговейная сосредоточенность. Он обыкновенно благословляет истово, несколько раз, касаясь пальцами лба для возбуждения к сосредоточению.

После говения мы прожили еще дня два и разъехались. Я поехал в Москву, потом — в Казань и Саровскую⁴² пустынь. Перед отъездом я спрашивал у старца благословения, но он на мою просьбу

молчал. Я три раза повторил свою просьбу. Тогда он нехотя сказал: «Ну, Бог благословит». Меня это несколько озадачило, и когда я приехал в Саров, то оказалось, что там была черная оспа, и были умирающие из паломников и монахов. Пробыл я там два дня, а в Дивееве так и не был, так как возница мой отказался везти, говоря, что дорога очень плохая. Тогда я понял нерасположенность старца к этой поездке.

Месяца через два я опять приехал в Оптину с сестрой, по ее личным делам. Я был в Оптиной не один раз. Однажды, когда я приехал туда, старец почувствовал себя нехорошо и просил меня пройтись с ним по Скиту. Так как он был слаб, то положил свою руку мне на плечо и, опершись на меня, вышел в сад. Тут он мне показал ряд деревьев — кедров, посаженных под какими-то углами. Эти деревья, говорил он, посажены старцем Макарием⁴³ в виде клинообразного письма. На этом клочке земли написана при помощи деревьев великая тайна, которую прочтёт последний старец Скита⁴⁴. Затем он указывал на деревья, посаженные им самим. Наконец он остановился перед гробницами монахов и стал благословлять могилы. «Это могилки моих духовных детей. Вот здесь похоронен приват-доцент Московского университета Л. Он был математик и астроном! Изучая высшие науки, он преклонился перед величием творения и [его] Создателя.

⁴¹ Иеросхимонах Анатолий (Потапов; 1855–1922), один из последних оптинских старцев. В Оптиной с 1885 г., исполнял послушание келейника прп. Амвросия, затем — прп. Иосифа. В 1895 г. пострижен в монашество, в 1906 г. рукоположен во иеромонаха. С 1906 по 1914 г. был духовником Шамординской обители. В 1908 г. определен духовником богомольцев. В народе за дар любви и утешения страждущих прозван «утешителем». После 1917 г. — братский духовник и старец, одновременно со старцем Нектарием (Тихоновым). День его памяти — 30 июля/12 августа. См о нем также на с. 42–44, 58–64.

⁴² Свято-Успенская Саровская пустынь — мужской монастырь, основанный в начале XVIII века в городе Сарове на севере Тамбовской губернии (ныне Нижегородская обл.) С 1778 г. здесь подвизался великий старец преподобный Серафим Саровский (Машнин; 1754–1833). Церковь чтит его память 2/15 января, 19 июля/1 августа.

⁴³ Деревья эти были спилены в начале 20-х годов XX века, когда монастырь был закрыт. — *Примеч. авт.*

⁴⁴ Эта тайна осталась неразгаданной.

Товарищ- профессор и его жена, которая была доктором медицины, насмеялись над ним. Он был ученик знаменитого профессора Лебедева. Жена Л., работая в клинике, влюбилась в одного профессора и бежала в Париж вместе со своими детьми. Л. очень горевал и по прошествии нескольких лет приехал к нам, чтобы найти здесь облегчение своему горю, и здесь он по Божиему соизволению опасно заболел воспалением легких. Случай был очень тяжелый. Я видел, что он скоро умрет, и предложил ему удалиться совсем от мира и принять пострижение. Уже очень много времени он не имел никаких сведений о семье. Л. подумал и согласился; через несколько дней он, постригшись, скончался, приняв схиму. Теперь он среди ликов ангельских!

Через несколько месяцев явилась в Скит одна очень экзальтированная дама и стала кричать: “Дайте мне моего супруга!” Сначала я не понял, чего она хочет, но потом разобрал, что она говорит о Л. Я сказал ей, что ее муж находится среди Ангелов. Она с раздражением изъявила желание посмотреть на могилу своего супруга. Но я сказал, что вход в Скит женщинам воспрещен и поэтому я не могу ей позволить войти сюда. Тогда она начала говорить о себе, гордиться своими знаниями: “Я изучила двенадцать иностранных языков и приобрела известность своими работами за границей”. Она думала, что ее научный ценз откроет двери Скита. Я ей сказал, что хотя она и знает много языков, но одного, самого главного, языка не знает — это языка ангельского. Она иронически спросила: “Где такой язык?” — “Чтобы знать его, — сказал я, — нужно читать Священное

Писание. Это и есть язык ангельский”. Она объявила, что здесь ей более нечего делать и что она сейчас же отправляется за границу читать лекции в швейцарском университете. Я просил ее написать мне письмо, когда жизнь ее будет для нее тяжела, и сказал, что она еще раз приедет сюда. Она засмеялась и удалилась.

Спустя несколько месяцев она прислала мне письмо из Швейцарии, где писала, что она очень несчастна. Ее гражданский муж изменил ей и покинул ее, уведя с собой ее детей. Она уже, по моему совету, начала читать Евангелие и нашла много интересного. В письме она предложила мне несколько вопросов. Для разрешения их я предложил ей приехать к нам. Она приехала и прожила у нас довольно долгое время, а затем стала приезжать по несколько раз в год. И сделалась верующей, доброй. (Впоследствии я видел ее. Она сделалась очень скромною, и когда батюшка входил в приемную, она всегда, подходя к нему, бросалась в ноги.) Она была очень богата и все имущество раздала бедным. Какая перемена произошла в ней!» *Мудрость мира явилась безумием перед Богом* (ср.: 1 Кор. 3, 19).

Потом старец показал другую гробницу и сказал: «Вот здесь лежит схимонах Николай⁴⁵, прозванный

⁴⁵ Схимонах Николай (в миру — Юсуф Абдул-оглы Абурах; 1828–1893) был родом из Малой Азии. Будучи турецким подданным, мусульманином, захотел перейти в православие, за что был мучим своими соотечественниками. Он сумел перебраться в Россию. В 1874 г., в Одессе, принял крещение. Долго странствовал по святым местам. В 1891 г. прибыл в Оптину и по благословению старца Амвросия был принят скитона начальником Анатолием (Зерцаловым) послушником

Турком. Вот удивительная судьба человека... Это был генерал, пашá, командующий турецкими войсками. Думал ли он, что будет покоиться здесь, в России, да еще в монастыре, в ангельском чине! Это современный великомученик. Во время войны турок с русскими он командовал турецкой армией. Турки были фанатики и мучили русских пленных. Пашá смотрел на эти мучения и удивлялся стойкости христиан и спрашивал солдат, почему они так радостно умирают. Он пожелал ближе познакомиться с христианской религией. Втайне призвал он православного священника и потом крестился, удалившись в Персию. Но турки, узнав о его измене мусульманству, схватили его и на груди и на спине вырезали кресты из кожи и поломали кости. Пашá потерял сознание. Думая, что он мертв, турки бросили его на растерзание собакам. Но Бог хранил его. Он пришел в себя благодаря Богу, Которого он возлюбил от всего сердца. Русские купцы проезжали мимо и подняли его. Он рассказал им, что разбойники напали на него, ограбили и избили. Купцы из сострадания отвезли его в Россию, на Кавказ, и передали одной женщине, чтобы она выходила его. Он поправился и сделался неузнаваемым. Это был сгорбленный старик, опирающийся на палку, одетый бедно, но имеющий душу богатую, одаренную духовными способностями. Ему удалось переправиться с Кавказа в Одессу, и отсюда он пошел путешествовать по России в качестве странника по святым местам.

в Скит. В 1892 г. пострижен в мантию, а в 1893 г. в связи с болезнью — в схиму.

Направляясь в Москву, он попал в Оптину. Здесь ему очень понравилось. Он здесь задержался и неожиданно заболел. Положили его в монастырскую больницу. По-русски он говорил очень плохо и спросил, не знает ли кто здесь французского языка. Я был тогда в затворе, но меня позвали его исповедовать. Турок рассказал мне свою жизнь, но запретил открывать его тайну, пока он жив. Во время болезни он принял монашество и потом выздоровел. Он поселился здесь, в Скиту. Однажды, гуляя со мной, он вдруг говорит: «Слышишь, батюшка, музыку ангельскую? Это великое блаженство — слушать ее». Я не слышал ничего, и он с простотой удивлялся моей глухоте. Действительно, этот простой монах был возносим к небу еще при земной жизни. Он видел райские обители и слушал небесную музыку. Это была ему награда за его мучения. Через три месяца он снова заболел и умер в схиме. Только после его смерти братия увидела, как истерзано было его тело, что действительно [это] был святой мученик, и тайна его жизни была открыта. Его могила в Скиту не заросла травой».

Батюшка перекрестился и сказал: «Знай, что не должно говорить: “Вот если я останусь девственником и пойду в монастырь, то спасусь”. В монастыре очень много соблазнов и легко можно погибнуть. Молись просто: “Спаси меня, Боже, и́миже путями Сам вéси!”⁴⁶ Вот ты завтра хочешь приобщиться Святым Тайнам Христовым и не говори: “Завтра буду приобщаться”, — а говори: “Если

---

⁴⁶ Имиже путями Сам вéси (*цсл.*) — какими путями Сам знаешь.

Господь сподобит приобщиться мне грешному”.
Иначе бойся говорить

Вот какой был случай у вас в Петербурге. Жил на Сергиевской улице очень богатый купец. Вся жизнь его была сплошная свадьба, и в продолжение семнадцати лет не приобщался он Святым Тайнам. Вдруг он почувствовал приближение смерти и испугался. Тотчас же послал своего слугу к священнику сказать, чтобы он пришел приобщить больного. Когда батюшка пришел и позвонил, то открыл ему дверь сам хозяин. Батюшка знал о его безумной жизни, разгневался и сказал, зачем он так насмехается над Святыми Дарами, и хотел уходить. Тогда купец со слезами на глазах стал умолять батюшку зайти к нему грешному и исповедать его, так как он чувствует приближение смерти. Батюшка наконец уступил его просьбе, и он с великим сокрушением в сердце рассказал ему всю свою жизнь. Батюшка дал ему разрешение грехов и хотел его приобщить, но тут произошло нечто необычайное: вдруг рот у купца сжался, и купец не мог его открыть, как он ни силился. Тогда он схватил долото и молоток и стал выбивать себе зубы, но рот сомкнулся окончательно. Мало-помалу силы его ослабли, и он скончался. Так, — заметил старец, — Господь дал ему возможность очиститься от грехов, может быть, за молитвы матери, но не соединился с ним», — и с этими словами батюшка вернулся со мною в келлию.

Нашлись люди, которым мудрость батюшки не давала жить, и враг не дремал. Поселился в Скиту

некто Митя Косноязычный⁴⁷ из города Козельска. Был он пьяница и тайно развращал монахов. Батюшка не мог этого терпеть и выселил его из Скита. Сейчас же против батюшки открыто ополчился целый легион... В Оптину приехала одна из женщин петербургского религиозно-политического кружка графини [С.С.] Игнатъевой и собрала против батюшки все обвинения, какие только можно было измыслить: что батюшка вольнодумен, что он любит роскошь, ибо украшает свою келью цветами, что он вольно обращается с женщинами, плохо управляет скитским имуществом, берет себе деньги с богомольцев... Приезжавший в Оптину епископ Серафим (Чичагов)⁴⁸ обелил батюшку, но дело его отзыва из Оптиной уже было где-то решено. Отец Варсонофий должен был покинуть Скит... Я как раз к этому времени приехал в Оптину. Батюшка встретил меня с радостью, поведал мне о своих обстоятельствах и рассказал, как накануне диавол ополчился не только на его имя, но и на его жизнь.

«Приехал сюда один офицер и стал требовать от меня записку в том, что я согласен на его брак с одной девушкой, очень религиозной, но мне не знакомой. Он хотел обманом жениться. Я категорически

⁴⁷ Митя Косноязычный (Дмитрий Дмитриевич Попов; 1865–1929) некоторое время был почитаем как юродивый, известен в Петербурге и при дворе Государя Николая II. В письме к императору он пожаловался на порядки в Оптиной пустыни.

⁴⁸ Епископ Кишиневский, впоследствии митрополит, священномученик Серафим (Чичагов; 1856–1937) по поручению Святейшего Синода прибыл в Оптину пустынь 30 декабря 1911 г. для разрешения возникшего конфликта.

отказался дать такую записку. Даже надписать Святое Евангелие. Тогда тот начал кричать на меня, наконец выхватил шашку из ножен и стал ею размахивать, наступая на меня, а я, — говорит батюшка, — скрестив руки, стою перед ним. Он махал, махал, но никак не мог меня задеть. С ругательством вложил шашку в ножны и побежал, но в безумии своем не мог найти выхода из Скита. Встретив одного монаха, он велел вывести его из Скита и проводить до гостиницы; тот сказал, что не имеет права выходить без благословения старца. Тогда офицер выхватил револьвер и заставил его идти с ним. Конечно, я мог бы возбудить дело против него, я знаю, какого он полка, и мог бы написать в офицерский суд, но это не наше дело, это не монашеское дело, мы должны сказать: «Да будет воля Божия»». Потом батюшка сказал: «Пойди в келлию отца Нектария и скажи, что я прислал тебя».

В день отъезда⁴⁹ батюшка служил в Скиту литургию и затем прощался с братией у себя. Прощание было трогательное, почти всем он кланялся в ноги, а некоторым поклонившись, не хотел и вставать. Много было слез. В три часа совершил напутственный молебен и отправился на вокзал: вещей у него было — один маленький ручной саквояжик. Погода была отчаянная, поднялась страшная вьюга с мокрым снегом. Прямым путем на вокзал нельзя было ехать, так как река Жиздра разлилась. С большой опасностью перебрались мы через реку. С батюшкой до вокзала провожать на маленьком пароме

⁴⁹ Это было 2 апреля 1912 г., понедельник Фоминой недели.

поехали его духовник и отец Нектарий. Я ехал вместе с духовником батюшки отцом Феодосием⁵⁰. Он был поражен смирением отца Варсонофия и всю дорогу умилялся. Ехали мы до вокзала вместо обычного часа три с половиною часа. Дорóгой батюшка совсем околел. Благодарение Богу, что поезд опоздал и батюшка мог согреться чаем. Билеты по распоряжению батюшки были взяты третьего класса. Но при пересадке я уговорился с обер-кондуктором и не дал батюшке войти в третий класс, и вместе с двумя келейниками поместились мы в купе второго класса. В дороге батюшка почти не спал, но при этом почти не говорил ничего. По приезде в Москву батюшка направился на подворье, в котором жил епископ Анастасий⁵¹. При встрече с епископом батюшка поклонился ему в ноги. В этом подворье батюшка прожил шесть-семь дней, пока епископ не возвел его в сан архимандрита.

Я жил в Москве у своих родных и каждый день приходил к батюшке. Вместе с ним и келейниками мы обошли и приложились ко всем святыням города Москвы. Однажды, возвращаясь от часовенки

⁵⁰ Речь идет об иеромонахе Феодосии (Поморцеве; 1854 (?) — 1920), духовнике богомольцев. 27 сентября 1912 г. назначен скитона начальником. В 1915 г. возведен в сан игумена, перед кончиной принял схиму.

⁵¹ Здесь допущена автором неточность: по решению Святейшего Синода митрополит Московский Владимир (Богоявленский) поручил епископу Дмитровскому Трифону (Туркестанову; 1861–1934), викарию Московской епархии, совершить чин возведения игумена Варсонофия в сан архимандрита, что было им исполнено 5 апреля 1912 г. в Богоявленском монастыре Москвы.

святого Пантелеимона⁵², батюшка шел впереди, а я сзади. Вдруг меня останавливает одна незнако-мая барышня, очень хорошо одетая, и спрашивает, не отец ли это Варсонофий. Я сказал «да»; она была удивлена, как батюшка мог очутиться в Москве. Я в кратких словах рассказал ей, как это случилось. Она забежала вперед и приняла от него благосло-вение и затем проводила до квартиры. Тут, возле ворот, батюшка велел ей подождать, сам же вошел в столовую, выбрал лучший апельсин и велел мне отнести барышне, но прежде спросил меня: «Кто эта барышня?» Я ответил, что не знаю, но батюш-ка сказал: «Ты должен это знать, отнеси апельсин и проводи ее домой». Я вышел из ворот, передал апельсин и желание батюшки. Она меня спросила, где я живу. «Ну, — сказала она, — это и мне по до-роге». Сели мы в один трамвай, он довез меня до моего места, а она поехала дальше. При прощании дала мне номер телефона и просила сообщить ей, когда батюшку будут возводить в сан архимандрита. Я обещал ей все это сделать и в точности исполнил. Она была в церкви и просила меня передать батюш-ке фрукты. На следующий день батюшка поехал на новое место служения в город Коломну, в Голутвин монастырь⁵³.

⁵² Эта часовня, построенная в 1881–1883 гг., находилась у Влади-мирских ворот Китай-города (ул. Никольская). В ней хра-нилась часть мощей великомученика Пантелеимона и икона Божией Матери «Скоропослушница», привезенные с Афона.

⁵³ Старо-Голутвин Богоявленский мужской монастырь, распо-ложенный на окраине Коломны, основан в конце XIV в. по благословению прп. Сергия Радонежского. Первым настояте-лем монастыря был его ученик прп. Григорий Голутвинский.

Преподобный старец Варсонофий

Когда подъезжали к Коломне, то из окон вагона был виден монастырь. И батюшка, смотря на монастырь, перекрестившись, сказал: «Вот здесь мое место упокоения, мне недолго осталось жить, так как приходится нести последние испытания. Исполняется последняя заповедь блаженства: *Блаженни есте, егда поносят вам и ижденут и рекут всяк зол глагол на вы лжуще Мене ради* (Мф. 5, 11)⁵⁴. При этих словах что-то острое кольнуло в сердце, и стало тяжело, но батюшка смотрел бодро. На вокзале были уже монастырские лошади. Нас встретил экононом монастыря с золотым наперсным крестом. Он сел с батюшкой, а я — в следующий тарантас с батюшкиным келейником. Еще было далеко до монастыря, как там уже начали перезванивать во все колокола. Батюшка сразу пошел в церковь. Тут собралась вся братия.

После молебна батюшка приветствовал всех и пошел осматривать помещение. При осмотре он везде нашел упущения и даже разорение. Гостилица была неустроена. «Что же мне делать, — говорит батюшка, — где же я помещу приезжающих богомольцев?» И вот он велел мне и келейникам ехать в город и купить кроватей, материала для матрацев и подушек и сшить их. «Денег, — говорит батюшка, — у меня нет, но найдутся добрые люди, поезжайте». И вот — дивное дело. Мне, человеку в студенческой форме, дают и кровати, и материал без всякого разговора, с полной готовностью и без

копейки денег. Правда, был со мной келейник батюшкин, но его и меня никто не знал. По приезде в монастырь я принялся шить матрацы и набивать их волосом и работал целый день. Так как гостилица была неустроена, то я помещался в квартире батюшки. Батюшка сам был вместо будильника: в 12 ½ часа ночи он приходил, будил меня и заставлял вместе с келейником читать полунощницу и монашеские правила. Это продолжалось часа два. Потом я опять ложился. Но в 5 ½ часов батюшка опять меня будил, чтобы я собирался с ним вместе к ранней обедне. Так продолжалось около недели. В первое время было очень много работы, и я исполнял роль келейника, убирал комнаты, проветривал.

Большие реформы произвел батюшка и во внутреннем строении монастыря. Установил обязательное посещение церковных служб и сам являлся примером. Раньше и в трапезную не все ходили, а иеромонахи и не заглядывали. Имели при келлиях свои кухни. Эконом — так имел повара. Батюшка запретил готовить что-либо на дому, и должны были все есть общую пищу и в определенное время. Когда батюшка пришел по звонку в трапезную, все простые монахи удивились, что он так близок к ним. Пища была невозможная. Щи были из прелой капусты и рыба с запахом. Эконом не пришел в трапезную, но батюшка послал за ним послушника и заставил его есть обед из тех продуктов, которые тот покупал. Эконом отворачивался, а батюшка его уличал. Недаром эконом носил шелковые рясы, и в его комнате можно было увидеть золотых рыбок. «Как можно, — говорил батюшка, — давать такую

⁵⁴ В синод. рус. пер.: *Блаженны вы, когда будут поносить (позорить) вас и гнать и всячески неправедно злословить за Меня.*

пищу, такую заразу...» Сразу весь дух монастыря переменялся.

Батюшка позаботился об одежде и пище монахов, и монахи, увидев такое отеческое отношение настоятеля, не чуждались его, но приходили, с любовью и доверием открывали ему свои души, а он начал их врачевать. Был там один алкоголик, иеродиакон; благодаря любви и стараниям батюшки он умер как великий христианин. Батюшка своим смирением его возродил. И вообще, через два месяца монастырь стал неузнаваем. Много рабочих из Коломенского завода стали приходиться к батюшке искать утешения. Батюшка мне говорил: «Вот бы тебе надо открыть здесь при монастыре школу и обучать детей рабочих христианской жизни...» Но не суждено было этому осуществиться.

Меня одолевали всё разные болезни. В начале 1913 года приехал я в Голутвин с больным горлом. Батюшка посмотрел на меня и говорит: «Жениться тебе надо, и пройдут все твои болезни». Я посмотрел на него удивленно. Я совсем не думал о женитьбе. «Есть у тебя невеста?» — спросил он. «Нет, батюшка». — «Ну так вот я тебе посватаю одну девушку чудную. Она в монастырь собирается. Ты видел ее, должно быть. Она так смиренно в темном платочке ходит. Нужно, чтобы она в миру жила и воспитывала благочестивых и честных людей... Нравится ли она тебе? Ведь ты с ней виделся в Москве». — «Да, батюшка, она мне в Москве понравилась, а здесь я ее не узнал!» — «Подвигом постным она себя изнурила. И вот я решил так: завтра утром, за ранней обедней, я буду молиться о вас перед жертвенником,

и что Господь мне откроет. Если угодно Ему мое желание, то я призову ее на клирос и поговорю с ней относительно тебя и ее самой, а пока ничего не буду говорить...»

Такое решение батюшки меня ошеломило и я, взволнованный, ушел к себе в гостиницу, намереваясь на следующий день сходить к ранней обедне. Велел гостиннику разбудить меня вовремя. Когда стали благовестить, тот постучал ко мне. Я вскочил, скорее начал одеваться... И что же? Мне казалось, что я оделся тотчас же и пошел в церковь. Подхожу к церковным дверям, а те заперты. Спрашиваю первого монаха, почему церковь заперта. Потому, говорит, что служба отошла. А который час сейчас? Одиннадцать часов! Как? Я сейчас только одевался к ранней обедне! Я чуть с ума не сошел, потерял чувство времени и тотчас же побежал к батюшке. Я мог входить к нему во всякое время. Келейник впустил меня и сказал, что батюшка сейчас отдыхает, но скоро выйдет. Я сел в приемной и волнуясь не знаю как. Спустя минут двадцать вышел батюшка. Помолился, благословил меня и посадил рядом.

Я с испугом говорю батюшке, что потерял чувство времени. Уснул ли я, потерял ли я сознание, никак понять не мог. А батюшка и говорит: «Так и должно быть, в таких вещах любопытствовать нельзя», — и начал мне рассказывать про преподобного Серафима Саровского. Я волнуясь, хочу узнать результат, беседовал ли он с этой девушкой, а он испытующе посмотрит на меня и продолжает говорить про Серафима Саровского. «Пришел к преподобному Серафиму один молодой человек и просит

благословения у преподобного на брак с девушкой, которая осталась в деревне... А преподобный Серафим говорит: “Твоя невеста здесь, в монастыре, ты ее встретишь при входе в гостиницу”. Тот был удивлен и говорит, что ее здесь нет. “Твоя невеста сделалась невестой Христовой, а ты женишься на другой”. Придя в гостиницу, он действительно встретился с одной девушкой, которая пристально на него посмотрела. Войдя в комнату, он нашел на столе письмо, где сообщали, что невеста его нервно заболела и умерла. Он побежал к преподобному Серафиму и со слезами поведал свое горе. И батюшка устроил новый брак. Вот как воля Божия исполняется.

Теперь я скажу относительно тебя: как я говорил, я молился перед жертвенником и после обедни позвал А.<настасию> С.<ергеевну> на клирос. Я охарактеризовал ей тебя, сказал, что я ручаюсь за тебя и хочу вас обоих познакомить ближе. Она и слышать не хочет о замужестве, я ее долго убеждал и предупреждал, что в монастыре она погибнет. Тогда она смирилась и сказала: “Ваша воля, батюшка, вы знаете лучше”. Я ей назначил час свидания в приемный час, в три часа, также и тебе заповедаю прийти в три часа».

Пошел я к себе в гостиницу и при входе столкнулся с А.С. Она сразу вся покраснела, наклонила голову и прошла мимо меня; и сейчас же вспомнились мне слова батюшки, как бы от преподобного Серафима: «А при входе в гостиницу ты встретишь свою невесту». И вот оно так сбывалось. И для чего она, думаю я, пошла в гостиницу? (Ибо она жила в поселке близ монастыря.) Оказалось, что как раз

и ее брат со своей невестой приехал просить у батюшки благословения.

В три часа я пошел в батюшкину приемную. Народу собралось там довольно много. Я сел подальше, в уголок. Пришла и будущая моя невеста с братом, и сели далеко от меня. Посредине стояла женщина с юношей лет семнадцати. С большой печалью на лице она ожидала батюшку. Наконец батюшка показался в дверях. Прежде всего, как он имел обыкновение делать, подошел к образу, помолился, а потом стал всех обходить и благословлять. Благословил меня по очереди и пошел дальше. Тут женщина, которая стояла посреди комнаты, бросилась к батюшке со словами: «Батюшка, помолитесь! Измучилась я со своим сыном, излечила на него все состояние, а он все остается глухонемым, и так сделалось с ним с двенадцати лет».

Батюшка благословил, посмотрел на него и говорит: «Согрешил он одним великим грехом, ему покаяться и говеть нужно, и снова он будет слышать и говорить». Мать даже огорчилась тут за сына: как, ведь он примерный мальчик, мог ли он согрешить в двенадцать лет?! Батюшка обратился к юноше и спросил: «Ты помнишь, что ты сделал?» Тот в недоумении качал головой. «Да ведь он, батюшка, не слышит», — говорит мать. «Да, тебя не слышит, а меня слышит». Тогда батюшка наклонился и шепнул ему что-то на ухо, и у него широко раскрылись глаза — он вспомнил. Через неделю юноша был здоров.

После разговора с женщиной батюшка подошел ко мне, взял меня за руку и повел, подошел

к моей невесте, взял ее другой рукой и повел обоих в исповедальню. Она очень стеснялась, а он ее подбадривал. Брат ее глазам своим не верил. (Он знал, что она бесповоротно собралась в монастырь.) Поставил нас батюшка перед аналоем, соединил наши руки, покрыл епитрахилью своей и стал про себя молиться. Потом он обернулся к нам и сказал: «Вот вам мое желание: познакомьтесь поближе, и если вы друг другу подойдете, то Бог да благословит ваш брак». Затем, обратившись к моей невесте, сказал: «А тебе заповедаю каждый день в пять часов приходиться к В.<асилию> В.<асильевичу> и угощать его чаем. И вы открывайте души свои друг другу». Потом он нас отпустил, призвал ее брата, который в этот же день уезжал обратно в Москву.

День, в который совершился этот стговор, был для меня замечателен. Это был день смерти моей родной матери — 1 февраля. Ровно за год до этого я был в Оптиной и сказал батюшке, что сегодня день смерти моей матери. Он встал тогда перед образом и начал молиться. Потом, повернувшись ко мне, говорит: «Смотри, как она кивает головой и как благодарит за то, что ее сын не забыл ее, а вспомнил и помолился. Ты видишь ее радость?» — «Батюшка, я ничего не вижу». А батюшка смотрит на образ и будто разговаривает. Так вот, прошел год после этого случая, и опять у меня событие. Безусловно, тут было и благословение матери.

В продолжение нескольких дней Анастасия Сергеевна приходила ко мне в пять часов. Беседа друг с другом, мы срослись душой. Беседа

продолжалась до десяти часов вечера, и я ее провожал домой. Каждый день мы сообщали батюшке о своей беседе, а он мне говорил: «Как у меня душа радуется, что так случилось! Но надо все-таки тебе познакомиться с ее родителями. Там будет скоро свадьба у брата Анастасии Сергеевны, пускай они пришлют тебе приглашение». Потом батюшка велел отвезти ее в Москву и после свадьбы брата съездить вместе с нею к преподобному Сергию в Троице-Сергиеву лавру. Батюшка очень почитал преподобного Сергия.

Я исполнил батюшкино желание, отвез свою невесту в Москву и по получении приглашения приехал на свадьбу... После этого я каждую неделю стал ездить из Петербурга в Москву. Наша помолвка была объявлена. Мы побывали с невестой в Троице-Сергиевской лавре. И тут, во время молебна, так близко чувствовалось присутствие живого преподобного Сергия, что меня охватила жуть. То же самое чувствовала и моя невеста. Чувствовалось особое единение. Недаром батюшка направил нас сюда. Настроение мое было радостное. Вдруг получаю телеграмму в Петербурге, что батюшка очень серьезно заболел. Я тотчас же бросил дела, выехал в Голутвин.

Батюшка был плох. Он лежал на кровати; при моем приходе сел и меня посадил рядом с собой, обняв рукой. С большим интересом он начал меня расспрашивать о приготовлениях к свадьбе. «А были ли у преподобного Сергия?» — «Да, батюшка, были, и я ощущал трепет». — «Ну, теперь, значит, всё благословлено; через три дня, на Благовещение, пускай

будет у вас обручение, а на Красной горке⁵⁵ — свадьба в Петербурге. А после свадьбы первый визит — ко мне». Тут он задумался, видимо, чувствуя скорое приближение смерти... И начал говорить о благодати старчества...

«Нас называют прозорливцами, указывая тем, что мы можем видеть будущее: да, великая благодать дается старчеству — это **дар рассуждения**. Это есть наивеличайший дар, даваемый Богом человеку. У нас кроме физических очей имеются еще очи духовные, перед которыми открывается душа человеческая. Прежде чем человек подумает, прежде чем возникла у него мысль, мы видим ее духовными очами, мы даже видим причину возникновения такой мысли. И от нас не сокрыто ничего. Ты живешь в Петербурге и думаешь, что я не вижу тебя. Когда я захочу, я увижу все, что ты делаешь и думаешь. Для нас нет пространства и времени... Когда у тебя будут дети, учи их музыке. Но, конечно, настоящей музыке, ангельской, а не танцам и песням. Музыка способствует развитию восприятия духовной жизни. Душа утончается. Она начинает понимать и духовную музыку. Вот у нас в церкви читают шестопсалмие, и люди часто выходят на это время из церкви. А ведь не понимают и не чувствуют они, что шестопсалмие есть духовная симфония, жизнь

⁵⁵ Красная горка — народное название первого после Пасхи воскресенья (святого апостола Фомы). Начиная с этого дня после длительного великопостного перерыва в храмах возобновляется совершение таинства Венчания. Поэтому именно на этот день приходится больше всего свадеб, гуляний, сватовства.

души, которая захватывает всю душу и дает ей высочайшее наслаждение. Не понимают люди этого. Сердце их каменно. Но музыка помогает почувствовать всю красоту шестопсалмия». Тут батюшка опять задумался. «И вот как я рад, что пристроил тебя. Да поможет вам Господь и да укрепит вас. Болезнь моя мешает мне очень...» Я видел, что батюшка очень устал, пожелал ему здоровья и попросил благословения на отъезд.

Я не знал, что он так близок к смерти, и думал, что он еще поправится, а его через шесть дней не стало⁵⁶. Только я успел после обручения вернуться в Петербург, как поехал обратно. Все наше свадебное радостное настроение расстроилось. Стоял батюшка в храме восемь дней⁵⁷. Он заповедал, пока не появится запах тления, не хоронить его. Отпевал его епископ Анастасий, который поклонился перед гробом в землю и заплакал, что земля лишилась мудрого наставника⁵⁸. Вместе с епископом плакал и весь храм. После отпевания батюшку повезли на похороны в Оптиную пустынь⁵⁹. Желание батюшки

⁵⁶ Старец Варсонофий почил 1/14 апреля 1913 г., это был понедельник 6-й седмицы Великого поста.

⁵⁷ Тело старца, облаченное в схимническое одеяние, лежало в храме до 6 апреля. Панихиды совершались почти непрерывно.

⁵⁸ Здесь допущена неточность: отпевал старца Варсонофия владыка Трифон, монашеский путь которого начинался в Оптиной пустыни. К старцу Варсонофию он испытывал особое благоговение. После отпевания 6 апреля 1913 г. владыка сказал проникновенное надгробное слово, в котором не только отметил заслуги старца, но и благодарил за дружбу и драгоценные наставления.

⁵⁹ 8 апреля траурный поезд прибыл на станцию Козельск. При огромном стечении народа гроб с телом на руках священно-

исполнилось. Прах его упокоился в Оптиной пустыни. Я проводил батюшку только до Москвы; мне надо было держать экзамен, и я отправился в Петербург. На Красной горке, по завещанию батюшки, состоялась наша свадьба. По случаю траура о батюшке никаких танцев не было, и в тот же день вечером мы с женой отправились в Оптину на могилу батюшки отдать ему первый свадебный визит.

Старец Нектарий Оптинский

Приехав в Оптину, мы отслужили панихиду⁶⁰, поплакали, погоревали и спрашиваем служившего иеромонаха: «Кто теперь старчествует?» — «Отец Нектарий»⁶¹, — ответил тот. Тут-то я и понял, почему отец Варсонофий, покидая Скит, послал меня к отцу Нектарии: чтобы я с ним познакомился поближе; он уже заранее указал мне, кто должен мною руководить после его смерти.

служителей был принесен в Оптину пустынь. 9 апреля после литургии была отслужена заупокойная лития. Похоронили схиархимандрита Варсонофия рядом с наставником, прп. Анатолием (Зерцаловым), напротив южных дверей Введенского собора. Ныне их святые мощи почивают во Владимирском храме обители. Память преподобного Варсонофия Церковь чтит 1/14 апреля и 11/24 октября.

⁶⁰ Панихиду по старцу Варсонофию.

⁶¹ Иеромонах Нектарий был последним оптинским старцем, избранным в 1912 г. соборно старшей братией. В связи с переводом отца Варсонофия в Московскую епархию он был назначен временно исполняющим на должность скитоначальника и братским духовником. 27 сентября 1912 г. утвержден братским духовником.

Все на нас с любопытством смотрели, так как весть о нашей особенной свадьбе разнеслась по Оптиной. Это ведь было предсмертное благословение батюшки. Итак, в три часа мы пошли по знакомой дорожке в Скит. Отец Нектарий занимал помещение отца Иосифа, с правой стороны от ворот. Я с женой разделился. Она пошла к крылечку снаружи скитских стен, а я прошел внутрь Скита. Келейник, увидав меня, узнал. Он был раньше келейником у старца Иосифа. Он тотчас же доложил батюшке. Батюшка вышел минут через десять, с веселой улыбкой.

Отец Нектарий, в противоположность отцу Варсонофию, был небольшого роста, согбенный, с небольшой клинообразной бородой, худой, с постоянно плачущими глазами. Поэтому у него в руках всегда был платок, который он, свернув уголком, постоянно прикладывал к глазам. Батюшка благословил меня и пригласил за собой. Провел он меня в исповедальную комнату, а там я уже увидел мою супругу, она встала и подошла ко мне, а батюшка поклонился нам в пояс и сказал: «Вот радость, вот радость! Я был скорбен и уныл, а теперь радостен (и его лицо сияло детской улыбкой). Ну как же теперь мне вас принимать? Вот садитесь рядышком на диванчик», — и батюшка сел напротив...

«Ведь вас благословил великий старец... Старец Варсонофий настолько великий, что я его и кончика ноготка на мизинце не стою. Из блестящего военного в одну ночь, по благословению Божию, сделался он великим старцем. Теперь только, после его смерти, я могу рассказать это дивное его обращение,

которое он держал в тайне». И отец Нектарий рассказал историю обращения отца Варсонофия. «Вот как велик был старец Варсонофий! И удивительно был батюшка смиренный и послушный. Как-то он, будучи послушником, шел мимо моего крылечка, я ему и говорю в шуточку: “Жить тебе осталось ровно двадцать лет”. Я ему говорил в шуточку, а он послушался и ровно через двадцать лет в тот же день, 1 апреля, и скончался. Вот какого великого послушания он был».

Перед такой силой отца Нектария меня невольно передернула дрожь. А он продолжал: «И в своих молитвах поминайте “блаженного схиархимандрита Варсонофия”. Но только три года поминайте его блаженным, а потом прямо “схиархимандрита Варсонофия”. Сейчас он среди блаженных... Ищите во всем великого смысла. Все события, которые происходят вокруг нас и с нами, имеют свой смысл. Ничего без причины не бывает... Вот для меня великая радость это ваше посещение. Я был скорбен и уныл. Все приходят люди с горестями и страданиями, а вы имеете столько радости! Это посещение Ангела... Сейчас у меня много посетителей, я не могу вас как следует принять. Идите сейчас домой и приходите к шести часам вечера, когда начнется всенощная и все монахи уйдут в церковь. Келейника я своего тоже ушлю, а вы и приходите, пускай другие молятся, а мы здесь проведем время». Благословил нас, и мы опять разошлись: я пошел через Скит, а жена — через наружное крылечко.

Когда отзвонили ко всенощной, я с женой отправился в Скит. Дверь в дом старца была заперта.

Преподобный старец Нектарий

Я постучал, и открыл ее мне сам отец Нектарий. Потом он впустил жену и посадил нас опять вместе в исповедальной комнате. «Пришли ко мне молодые, и я, как хозяин, должен вас встретить по вашему обычаю. Посидите здесь немножко». Сказав это, старец удалился. Через некоторое время он несет на подносе два бокала с темной жидкостью. Поднес, остановился и, поклонившись нам, сказал: «Поздравляю вас с бракосочетанием, предлагаю вам выпить во здравие». Мы с недоумением смотрели на старца. Потом взяли бокалы, чокнулись и стали пить. Но, пригубив, я тотчас же остановился, и моя жена так же. Оказалось, что в бокалах была страшная горечь. Я говорю батюшке: «Горько», и моя жена так же отвернулась. И вдруг это самое мною произнесенное слово «горько» меня ошеломило, и я представил, как на свадебных обедах кричат «горько», и я рассмеялся. И батюшка прочитал мои мысли и смеется. «Но, — говорит, — хотя и горько, а вы должны выпить. Всё, что я делаю, вы замечайте, оно имеет скрытый смысл, который вы должны постигнуть, а теперь пейте». И мы с гримасами, подталкивая друг друга, выпили эту жидкость. А батюшка уже приносит раскрытую коробку сардин и велит всю ее опустошить. После горького мы вкусили сардины, и батюшка всё унес. Приходит снова, садится против нас и говорит: «А я молнию поймал. Умудритесь-ка и вы ее поймать; хочешь покажу?» Подходит к шкафу, вынимает электрический фонарик, завернутый в красную бумагу, и начинает коротко зажигать, мелькая огнем. «Вот это разве не молния? Совсем как молния!» И он, улыбаясь, положил фонарик в шкаф и, вынув оттуда

деревянный грибок, положил его на стол, снял крышку и высыпал оттуда золотые пятирублевые и говорит: «Посмотри, как блестят! Я их вычистил. Здесь их двадцать штук на сто рублей. Ну что? Посмотрел, как золото блестит, ну и довольно с тебя. Поглядел — и будет», — собрал опять монеты и спрятал.

И еще батюшка кое-что говорил. Потом он опять вышел. Смотрим, снова несет нам два больших бокала, на этот раз со светло-желтой жидкостью, и с той же церемонией и поклоном подносит нам. Мы взяли бокалы, смотрели на них и долго не решались пить. Старец улыбался, глядя на нас. К нашей радости, это было питье приятное, сладкое, ароматное, мы с удовольствием его выпили. Это питье было даже немного хмельное. На закуску он принес шоколаду «Миньон»⁶², очень жирного и очень много, и велел все съесть. Мы пришли прямо в ужас. Но [он] сам подсел к нам и начал есть. Я посмотрел на батюшку и думаю: как это он ест шоколад, а ведь по скитскому уставу молочное воспрещается. А он смотрит на меня, ест и мне предлагает. Так я и остался в недоумении. Он велел нам обязательно доесть этот шоколад, а сам пошел ставить самовар... В одиннадцать часов отец Нектарий проводил нас до наружного крыльца и дал нам керосиновый фонарик, чтобы мы не заблудились в лесу, а шли бы по дорожке. При прощании пригласил на следующий день в шесть часов. Кругом в лесу стояла тишина, и охватывала жуть. Мы постарались скорее добраться до

⁶² Популярный шоколад, который изготавливали в Санкт-Петербурге с конца XIX века на кондитерской фабрике «Миньон». Он был очень вкусным, ароматным и таял во рту.

гостиницы. Богомольцы шли от всенощной, и мы вместе с ними незаметно вошли в гостиницу.

На следующий день мы опять в шесть часов вечера пришли к батюшке. На этот раз келейник был дома, но батюшка не велел ему выходить из своей келлии. Батюшка опять пригласил нас вместе в исповедальню, посадил и стал давать моей жене на память различные искусственные цветочки и говорит при этом: «Когда будешь идти по жизненному полю, то собирай цветочки и соберешь целый букет, а плоды получишь потом». Мы не поняли, на что батюшка здесь намекает, ибо он ничего праздного не делал и не говорил. Потом он мне объяснил. Цветочки — это печали и горести. И вот их нужно собирать, и получится чудный букет, с которым предстанешь в день судный, и тогда получишь плоды — радости. В супружеской жизни, далее говорил он, всегда имеются два периода: один счастливый, а другой — печальный, горький. И лучше всегда, когда горький период бывает раньше, в начале супружеской жизни, но потом будет счастье.

Потом батюшка обратился ко мне и говорит: «А теперь пойдем, я научу самовар ставить. Придет время, у тебя прислуги не будет, и ты будешь испытывать нужду, так что самовар придется самому тебе ставить». Я с удивлением посмотрел на батюшку и думаю: «Что он говорит? Куда же наше состояние исчезнет?» А он взял меня за руку и провел в кладовую. Там были сложены дрова и разные вещи. Тут же стоял самовар около вытяжной трубы. Батюшка говорит мне: «Вытряси прежде самовар, затем налей воды; а ведь часто воду забывают налить и начинают

разжигать самовар, а в результате самовар испортят и без чаю остаются. Вода стоит вот там, в углу, в медном кувшине, возьми его и налей». Я подошел к кувшину, а тот был очень большой, ведра на два, и сам по себе массивный, медный. Попробовал его подвинуть — нет, нету силы, тогда я хотел поднести к нему самовар и начерпать воды.

Батюшка заметил мое намерение и опять мне повторяет: «Ты возьми кувшин и налей воду в самовар». — «Да ведь, батюшка, он слишком тяжелый для меня, я его с места не могу сдвинуть». Тогда батюшка подошел к кувшину, перекрестил его и говорит: «Возьми», — и я поднял и с удивлением посмотрел на батюшку: кувшин мне почувствовался совершенно легким, как бы ничего не весящим. Я налил воду в самовар и поставил кувшин обратно с выражением изумления на лице. А батюшка меня спрашивает: «Ну что, тяжелый кувшин?» — «Нет, батюшка, я удивляюсь, он совсем легкий». — «Так вот и возьми урок, что так всякое послушание, которое нам кажется тяжелым, при исполнении бывает очень легко, потому что это делается как послушание». Я был прямо поражен: как он уничтожил силу тяжести одним крестным знаменем! А батюшка дальше, как будто ничего не случилось, велит мне наколоть лучинок, разжечь их и потом положить угля. Пока самовар грелся, и я сидел возле него, батюшка зажег керосинку и стал варить в котелочке кожуру от яблок. Указывая на нее, батюшка мне сказал: «Вот это мое кушание, я только этим и питаюсь. Когда мне приносят добролюбы фрукты, то я прошу их съесть эти фрукты, а кожицы счистить, и вот я их

варю для себя...» Чай батюшка заварил сам, причем чай был удивительно ароматный, с сильным медовым запахом. Сам он налил нам чай в чашки и ушел. В это время к нему пришла после вечерней молитвы скитская братия, чтобы принять благословение перед сном.

Это совершалось каждый день, утром и вечером. Монахи все подходили под благословение, кланялись, и при этом некоторые из монахов открыто исповедовали свои помыслы, сомнения. Батюшка как старец, руководитель душ одних утешал, подбадривал, другим вслед за исповеданием отпускал их прегрешения, разрешал сомнения и всех, умиротворенных, любовно отпускал. Это было умиленное зрелище, и батюшка во время благословения имел вид чрезвычайно серьезный и сосредоточенный, и во всяком его слове сквозила забота и любовь к каждой мятущейся душе. После благословения батюшка удалился в свою келлию и молился около часу. После долгого отсутствия батюшка вернулся к нам и молча убрал все со стола.

В один из моих приездов в Оптину пустынь я видел, как отец Нектарий читал запечатанные письма⁶³. Он вышел ко мне с полученными письмами, которых было штук пятьдесят, и, не распечатывая, стал их разбирать. Одни письма он откладывал со словами: «Сюда надо ответ дать, а эти письма, благодарственные, можно без ответа оставить».

⁶³ Старец Нектарий обладал даром прозорливости, чудотворения и рассуждения. По своему смирению эти высокие духовные дарования он скрывал под внешним юродством.

**Внутренний вид Предтеченского скита.
Келья старцев**

Он их не читал, но видел их содержание. Некоторые из них он благословлял, а некоторые и целовал, а два письма, как бы случайно, дал моей жене и говорит: «Вот, прочти их вслух. Это будет полезно». Содержание одного письма забылось мною, а другое письмо было от одной курсистки Высших женских курсов. Она просила батюшку помолиться, так как мучается и никак не может совладать с собой. Полюбила она одного священника, который увлек ее зажигательными своими проповедями, и вот бросила она свои занятия и бежит к нему за всякими пустяками, нарочно часто говееет только для того, чтобы прикоснуться к нему. Ночи не спит.

Батюшка на это письмо и говорит: «Вы этого священника знаете и имели с ним дело. Он впоследствии будет занимать очень большой пост, о котором ему и в голову не приходило. Он еще ничего не знает об этом, но получит он эту власть вследствие того, что уклонится от истины». Какой же это священник, думаю я, хорошо известный мне? Тогда батюшка сказал, что это тот студент духовной академии, который приезжал со мною в Оптину в первый раз и который сватался за мою сестру. Но Господь сохранил мою сестру через старца Варсонофия, ибо он расстроил этот брак... (Теперь он, может быть, действительно находится в обновленческой церкви и властвует там.) Перебирая письма, отец Нектарий говорит: «Вот называют меня старцем. Какой я старец, когда буду получать каждый день больше ста писем, как отец Варсонофий, тогда и можно называть старцем, имеющим столько духовных детей...» Отобрав письма, батюшка отнес их к секретарю.

Отец Нектарий советовал моему отцу продать дом в Петербурге и дачу в Финляндии, а то, говорил он, это все пропадет. Но мой отец не поверил и ничего не продал. Это было в начале великой войны.

В 1914 году мой старший брат поступил послушником в Оптинский скит и исполнял иногда должность келейника у отца Нектария. Он часто присылал отцу письма с просьбой выслать ему деньги, так как он покупал различные книги духовного содержания и составлял там собственную библиотеку. Я всегда возмущался этим и говорил, что раз ушел из мира по призванию, то уже порви со своими страстями. А у моего брата была такая страсть: покупать книги. Я написал батюшке отцу Нектарию письмо, и довольно резкое письмо, выражающее мое возмущение и удивление. Батюшка не ответил. Брат продолжал присылать свои просьбы и иногда прямо требования. Тогда я написал батюшке еще более резкое письмо, обвиняя его, что он не сдерживает страсти брата, а потакает им. Батюшка опять ничего не ответил. Но вот мне удалось с фронта, во время отпуска, съездить с женой в Оптину. Это было уже в 1917 году, при Временном правительстве.

Приезжаем в обитель, батюшка встречает нас низким, низким поклоном и говорит: «Спасибо за искренность. Ты писал без всяких прикрас о том, что волнует тебя. Я знал, что вслед за этими письмами ты и сам пожалуешь, а я всегда рад видеть тебя. Пиши и впредь такие письма, а после них являйся сам сюда за ответом. Вот теперь я скажу, что скоро будет духовный книжный голод. Не достаешь духовной книги. Хорошо, что он собирает эту

духовную библиотеку — духовное сокровище. Она очень и очень пригодится. Тяжелое время наступает теперь. В мире теперь прошло число шесть, и наступает число семь⁶⁴. «Наступает век молчания. Молчи, молчи, — говорит батюшка, и слезы текут у него из глаз... — И вот Государь теперь сам не свой, сколько унижений он терпит за свои ошибки. 1918 год будет еще тяжелее, *Государь и вся Семья будут убиты, замучены*⁶⁵.

Одна благочестивая девушка видела сон: сидит Иисус Христос на Престоле, а около Него двенадцать апостолов, и раздаются с земли ужасные муки и стоны. И апостол Петр спрашивает Христа: “Когда же, Господи, прекратятся эти муки?” И отвечает ему Иисус Христос: “Даю я сроку до 22 года, если люди не покаются, не образумятся, то все так погибнут”. Тут же, пред Престолом Божиим, предстоит и наш Государь в венце великомученика. Да, этот Государь будет великомученик. В последнее время он

искупил свою жизнь, и если люди не обратятся к Богу, то не только Россия, вся Европа провалится... *Наступает время молитв*. Во время работы говори Иисусову молитву. Сначала губами, потом умом, а наконец она сама перейдет в сердце...» Батюшка удалился к себе в келлию и часа полтора молился там. После молитвы он, сосредоточенный, вышел к нам, сел, взял за руку меня и говорит: «Очень многое я знаю о тебе, но не всякое знание будет тебе на пользу. Придет время голодное, будешь голодать... Наступит время, когда и монастырь наш уничтожат. И я, может быть, приду к вам на хутор. Тогда примите меня, Христа ради, не откажите. Некуда мне будет деться...»⁶⁶

Это было мое последнее свидание со старцем.

Вспоминается мне еще один случай с отцом Нектарием. Моя жена в один из приездов в Оптину написала картину: вид из монастыря на реку и на ее низменный берег во время заката солнца, при совершенно ясном небе и яркой игре красок. Поставила

⁶⁴ Под числом семь в церковной традиции подразумевается некая полнота и завершенность, а в последней книге Нового Завета — Откровении апостола Иоанна Богослова — оно приобретает особое, сакральное значение, символизируя конец. В данном случае старец предсказывал свержение царской монархии, конец великой Российской империи и надвигающиеся беды и изменения в связи с приходом новой, боготорческой власти.

⁶⁵ В ночь с 16 на 17 июля 1918 г. императора Николая II, императрицу Александру Феодоровну, четырех великих княжон и цесаревича расстреляли в подвале дома Ипатьева в Екатеринбурге. В 2000 г. Государь Николай II и его Семья были прославлены Русской Православной Церковью в лике страстотерпцев. Ныне на месте захоронения, в урочище Ганина Яма (под Екатеринбургом), построен мужской монастырь в их честь.

⁶⁶ Эти слова старца Нектария тоже оказались пророческими. После закрытия монастыря в 1923 г. его арестовали. По выходе из тюрьмы, старец переехал на хутор Плохино, недалеко от Козельска, но прожил там недолго, так как ему было предписано выбыть из пределов Калужской губернии. Он переехал в село Холмищи Брянской губернии, где жил у одного крестьянина. Здесь, постепенно ослабевая, прожил он около пяти лет. 29 апреля 1928 г. отец Нектарий почил и был похоронен на местном кладбище. После возрождения Оптиной пустыни в 1989 г. состоялось обретение его мощей, которые ныне находятся во Введенском храме обители. Память преподобного Нектария Церковь совершает 29 апреля/12 мая и 11/24 октября.

она свой рисунок на открытом балконе и пошла со мной прогуляться по лесу. Дорогой мы поспорили, и серьезно, так что совершенно расстроились и не хотели друг на друга смотреть. Возвращаемся домой; нам сразу бросилась в глаза картина: вместо ясного неба на ней нарисованы грозные тучи и молнии. Мы были ошеломлены. Подошли поближе, стали рассматривать. Краски совершенно свежие, только что наложенные.

Мы позвали девушку, которая у нас жила, и спросили, кто к нам приходил. Она отвечает, что какой-то небольшого роста монах что-то здесь делал на балконе. Мы думали, думали, кто бы это мог быть, и из более подробного описания монаха и опросов других догадались, что это был отец Нектарий. Это он, владевший кистью, символически изобразил наше душевное состояние с женой. И эта гроза с молниями произвела на нас такое впечатление, что мы забыли свой спор и помирились, ибо захотели, чтобы небо нашей жизни опять прояснилось и стало вновь совершенно чистым и ясным.

ОПТИНА

Мои духовные встречи

От автора¹

«Оптина»... Так сокращенно называли обычно этот монастырь богомольцы. Подобно и Саровский монастырь звали просто «Саров». А иногда к Оптиной присоединяли и слово «пустынь», хотя пустынного там не было ничего, но этим хотели, вероятно, отметить особую святость этого монастыря.

Оптина находится в Калужской губернии, в Козельском уезде, в четырех верстах от города, за речкой Жиздрой, среди соснового бора.

---

¹ Эти рассказы об Оптиной пустыни печатаются по изданию: *Вениамин (Федченков), митр.* Божьи люди: Мои духовные встречи. М.: Отчий дом, 2011.

Самое слово «Оптина» толкуют различно. Но нам, с духовной точки зрения, больше по душе легенда, что эта пустынь получила свое имя от какого-то основателя ее, разбойника Опты. Так ли это было на самом деле или иначе, но посетителям, да и монахам, это объяснение нравилось больше, потому что богомольцы тоже приходили туда с грехами и искали спасения души; да и монашеское житие, по сущности своей, есть прежде всего покаянное подвижничество.

Прославилась же Оптина своими старцами. Первым из них был отец Лев, или Леонид², — ученик знаменитого старца Паисия (Величковского)³, подвижника в Нямецком монастыре в Молдавии. После отца Льва старчество перешло к преемнику его, иеромонаху отцу Макарию (Иванову)⁴, происходившему из дворян. Про него сам митрополит Московский Филарет⁵ сказал однажды: «Макарий свят». Под его руководством воспитался и вырос «мудрый» Амвросий⁶, учившийся сначала

в семинарии. Потом были старцы — два Анатолия⁷, Варсонофий⁸ — из военной среды — и Нектарий⁹. Последнего, а также и второго Анатолия¹⁰, видел я лично и беседовал с ними. Но кроме этих выдающихся иноков и настоятели, и многие монахи тоже отличались высокою святою жизнью. Впрочем, и вся Оптина славилась на Россию именно духовным подвижничеством братии, что связано было больше всего со старчеством и в свою очередь воспитывало опытных старцев.

Старец — это опытный духовный руководитель. Он не обязательно в духовном сане, но непременно умудренный в духовной жизни, чистый душою и способный наставлять других.

Ради этого к ним шли за советами не только свои монахи, но и миряне со скорбями, недоумениями, грехами. Слава оптинских старцев за одно второе полстолетие распространилась за сотни и тысячи верст от Оптиной, и сюда тянулись с разных сторон ищущие наставления и утешения. Иногда непрерывная очередь посетителей ждала приема у старца с утра до вечера. Большею частью это были простые люди. Среди них иногда выделялся священик или послушник монастыря. Нечасто, но бывали там и интеллигентные люди: приходили сюда и Толстой¹¹, и Достоевский¹², и великий князь

² См. примеч. на с. 16.

³ Преподобный Паисий (Величковский; 1722–1794), схииерарх-химандрит. Возобновитель старчества в России, делатель Иисусовой молитвы, переводчик святоотеческих творений. Имел множество учеников, благодаря которым возросла духовная жизнь не только в обителях, но и среди народа. Церковь чтит его память 15/28 ноября.

⁴ См. о нем примеч. на с. 16.

⁵ Филарет (Дроздов; 1782–1867), святитель, церковный и общественный деятель, видный богослов, молитвенник и постник. Более 40 лет возглавлял Московскую кафедру. Дни его памяти — 5/18 октября и 19 ноября/2 декабря.

⁶ О прп. Амвросии (Гренкове) см. примеч. на с. 13.

⁷ О старце Анатолии (Зерцалове), Старшем, см. примеч. на с. 13.

⁸ О старце Варсонофии (Плиханкове) см. на с. 12–31.

⁹ О старце Нектарии (Тихонове) см. примеч. на с. 13 и на с. 31–37.

¹⁰ См. о нем примеч. на с. 22.

¹¹ О Л.Н. Толстом см. примеч. на с. 17, 18.

¹² Писатель Ф.М. Достоевский (1821–1881) впервые посетил Оптину в 1874 г. В 1878 г. он приехал после смерти

И. <оанн> Константинович [Романов], и Леонтьев¹³, и бывший протестант Зедергольм [иеромонах Климент; 1830–1878]; жил долго [с 1907 по 1912 г.] при монастыре известный писатель С.А. Нилус; постригся в монашество бывший морской офицер — впоследствии епископ Михей [Алексеев; 1851–1931]; при отце Макарии обитель была связана со славянофильской семьей Киреевских, которые много содействовали издательству монастырем свято-отеческих книг; отсюда же протянулись духовные нити между обителью и Н.В. Гоголем; известный подвижник и духовный писатель епископ Игнатий (Брянчанинов; 1807–1867) тоже питался духом этой пустыни. А кроме этих лиц дух внутреннего подвижничества и старчества незаметно разлился по разным монастырям. И один из моих знакомых писателей, М.А. Н.¹⁴, даже составлял родословное

трехлетнего сына. Несколько раз беседовал со старцем Амвросием, который так отозвался о нем: «Этот — кающийся». Позднее, когда бывал в Оптиной, беседовал со старцем Иосифом. Впечатления, полученные от посещения обители, нашли свое отражение в романе «Братья Карамазовы».

¹³ Леонтьев К. Н. (1831–1891) — врач, дипломат, философ, писатель. В 1874 г. познакомился со старцем Амвросием. С 1887 по август 1891 г. жил в Оптиной, в домике у монастырской стены. За несколько месяцев до смерти, по благословению старца Амвросия, принял тайный постриг с именем Климент и переехал в Сергиев Посад.

¹⁴ Вероятно, речь идет о Михаиле Александровиче Новоселове (1864–1938) — церковно-общественном деятеле, издателе и духовном писателе. Его основное сочинение — «Письма к друзьям» — посвящено актуальным вопросам церковной жизни того времени. В безбожные времена, с 1929 по 1937 г., он находился в заключении. В январе 1938 г. расстрелян в Вологде. Церковь чтит память мученика Михаила 8/21 января.

древо, корнями уходившее в Оптину... Хорошо бы когда-нибудь заняться и этим вопросом какому-либо кандидату богословия при писании курсового сочинения... А мы теперь перейдем уже к записям наших воспоминаний.

Конечно, они не охватывают всех сторон монастырской жизни обители, не говорят и о подвижнической страде иноков, какая известна была лишь им, их духовникам да Самому Богу. Я буду говорить лишь о более выдающихся лицах и светлых явлениях Оптиной. Разумеется, такое описание будет односторонним. И правильно однажды заметил мой друг и сотоварищ по духовной академии, впоследствии архимандрит, Иоанн (Раев), скончавшийся рано от чахотки, что я подобным описанием ввожу читателей, а прежде — слушателей, в некое заблуждение. Он привел тогда такое сравнение. Если смотреть на луг или цветник сверху, то как покажется он красив со своими цветами и яркой зеленью! А спустись взором пониже, там увидишь голенький ствол с веточками. Но и здесь еще не источник жизни, а внизу, в земле, где корявые и извилистые корни в полной тьме ищут питание для красивых листочков и цветочков. Тут уже ничего красивого для взора нет, наоборот — и неблаголепно, и грязно... А то и разные червяки ползают рядом и даже подгрызают и губят корни, а с ними вянут и гибнут листочки и цветочки.

«Так и монашество, — говорил отец Иоанн, — лишь на высотах и сонне красиво; а самый подвиг иноческий и труден, и проходит через нечистоты, и в большей части монашеской жизни

является крестной борьбой с греховными страстями. А этого-то, — говорил друг, — и не показываешь в своих рассказах».

Все это совершенно верно, скажу я. Но ведь и в житиях святых описываются большей частью светлые явления из жизни их и особенные подвиги. А о греховной борьбе упоминается обычно кратко и мимоходом. И никогда почти не рассказывается о ней подробно. Исключением является лишь житие святой Марии Египетской¹⁵, от смрадных грехов дошедшей потом до ангелоподобной чистоты и совершенства. Но и то описатели оговариваются, что они делают это вынужденно, чтобы примером такого изменения грешницы утешить и укрепить малосильных и унывающих подвижников в миру и в монастырях. Так и мы не будем много останавливаться на наших темных сторонах: это не поучительно. Да они мне и неизвестны в других людях: о чем же стал бы я и говорить?! Впрочем, где следует, там будет упомянуто и об этом. Читателю же действительно нужно и полезно не забывать, что высоте и святости угодников Божиих и предшествует, и сопутствует духовная борьба; иногда — очень нелегкая и некрасивая...

Кстати, и сам упомянутый отец Иоанн должен по справедливости быть причислен к лику подвижников: он мало жил (умер лет 33–34, будучи инспектором Полтавской семинарии), но многого достиг

¹⁵ О преподобной Марии Египетской († 522) см.: *Димитрий Ростовский, свт.* Четьи-Минеи (Жития святых), 1 апреля. Оптина пустынь, 1992. Дни ее памяти — 1/14 апреля и в 5-ю неделю Великого поста.

духовно: только это было скрывается от посторонних... Царство ему Небесное. Помяни мя, друже и отче, грешного.

Имя Божие

Воспоминания мои будут отрывочны и без плана. Одно лишь будет связывать все: светлая духовная сторона.

Мне дважды привелось бывать в Оптиной. Еще с академии я узнал о ней. И, будучи студентом, встречал в селе духовных чад старца Амвросия и слушал их рассказы о нем. Но сам и не думал о посещении пустыни: не воспитывали в нас ни в семинариях, ни в академиях интереса и любви ни к монастырям, ни к подвижникам, ни к таким светилам Церкви, как даже отец Иоанн Кронштадтский¹⁶ или Феофан, Затворник Вышенский¹⁷, — наши современники. Учеба, книги, наука, ученые — вот был наш интерес. Потому и после академии почти никто из нас не думал о посещении обителей вообще... Уж не помню почему и как, я, будучи ректором Таврической семинарии, решил к концу летних каникул

¹⁶ См. о нем примеч. на с. 5.

¹⁷ Святитель Феофан (Говоров; 1815–1894), живя с 1872 г. в затворе в Вышенской пустыни, пребывал в постоянной молитве и писательских трудах. Оставил многочисленные переводы творений святых отцов, обширные богословские сочинения и многочисленные письма духовным чадам и другим корреспондентам. Церковь чтит его память 10/23 января и 16/29 июня.

посетить Оптину¹⁸. На следующий год или через два я вторично побывал там, будучи ректором Тверской семинарии¹⁹. Жил недолго — не больше двух недель. Конечно, за такой короткий срок я заметил лишь немного из богатых сокровенных сокровищ святой обители. Оба воспоминания солью воедино.

В первый раз я приехал на извозчике в монастырь днем и остановился в так называемой «черной» гостинице, где останавливались «обыкновенные», простые богомольцы: мне не хотелось выделяться из них и обращать на себя внимание. Помню заведующего инока с темными густыми волосами. Мы пили вместе с ним чай. Ничего особенного не было. Но вот однажды он пригласил к чаю афонского монаха, удаленного со Святой Горы за принадлежность к группе имябожников²⁰, а теперь проживавшего в Оптиной. Сначала все было мирно. Но потом между иноками начался спор об имени Божиим. Оптинец держался решения Священного Синода, осудившего это новое учение о том, что

«имя Бог есть Сам Бог». Афонец же защищал свое. Долго спорили отцы. Я молчал, мало интересуясь этим вопросом. Оптинец оказался остроумнее, и после долгих и разных споров он, казалось, почувствовал себя победителем. Афонец хотя и не сдался, но вынужден был замолчать. И вдруг — к глубокому моему удивлению — победитель, точно отвечая на какие-то свои тайные чувства, ударяет по столу кулаком и, вопреки прежним своим доказательствам, с энергией заявляет: «А все-таки имя Бог есть Сам Бог!» Спор больше не возобновлялся. Я же удивленно думал: что побудило победителя согласиться с побежденным?! Это было мне непонятно. Одно лишь было ясно: что обоим монахам чрезвычайно дорого было имя Божие. Вероятно, и по опыту своему, творя по монашескому обычаю молитву Иисусову («Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешнаго»), они оба знали и силу, и пользу, и сладость призывания имени Божия, но только в богословствовании своем не могли справиться с трудностями ученых формулировок.

Потом, посещая некоторых монахов, я заметил у них в келлиях, большей частью у икон, листы бумаги, где славянскими буквами были выписаны эти святые слова: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешнаго». По-видимому, эти иноки в какой-то степени сочувствовали защите имени Божия. Но, не смея и не имея сил делать это словами, выражали свое почитание имени Божия вывеской на бумаге.

«Боже, — думал я, — в миру безбожие ширилось, маловерие, равнодушие, а тут люди еще горячатся

¹⁸ Ректором Таврической семинарии он был в 1911–1913 гг.

Предположительно, он посетил Оптину в конце лета 1912 г.

¹⁹ Архимандрит Вениамин был назначен ректором Тверской семинарии 26 августа 1913 г. и пребывал на этой должности до осени 1917 г.

²⁰ «Имябожники», или, как они сами себя называли, «имяславцы», — последователи движения, распространившегося в нач. XX столетия в русских монастырях Старого Афона. Они утверждали, что благодать Божия присутствует в имени Божиим, а в имени Божиим присутствует Бог и даже, что имя Божие есть Бог. При этом они не смогли сформулировать в нужной корректности свои положения. Определением Святейшего Синода от 29 августа 1913 г. учение имябожников было осуждено.

и спорят о значении и силе даже имени Божия. Значит, они живут, так или иначе, интересами и жизнью в Боге».

Не будем мы мудрствовать: это дело трудное, но приучимся творить молитву Иисусову, чтобы умолять Господа спасти наши грешные души.

Боже, буди милостив ко мне грешнику.

Образ Божий

Старец Анатолий

Через два-три дня моей жизни пронеслась весть: в монастырь прибывает чудотворная икона Калужская икона Божией Матери²¹. К указанному времени многие монахи и богомольцы вышли навстречу святой иконе по лесной дороге и, приняв ее, пошли обратно в монастырь с пением молитв.

Вдруг я вижу, как из нашей толпы некоторые отделяются от процессии и спешно-спешно торопятся в правую сторону. Через некоторое время там уже собралась густая толпа народа, плотным кольцом кого-то или что-то окружившая. Из простого любопытства — впрочем, меня в монастыре все интересовало — я тоже направился туда: в чем дело? Чтобы оставить икону Богородицы, нужна была какая-то особая причина к этому. Протискавшись немного к центру толпы, я увидел, что все

с умиленной любовью и счастливыми улыбками смотрят на какого-то маленького монаха в клобуке, с седенькой нерасчесанной небольшой бородкой. И он тоже всем улыбался немного. Толпа старалась получить от него благословение. И я увидел, как вокруг этого маленького старичка все точно светилося и радовалось... Так малые дети встречают родную мать.

— Кто это? — спрашиваю я соседа.

— Да батюшка отец Анатолий²², — ласково ответил он, удивясь, однако, моему неведению.

Я знал о нем, но не пришлось еще встретить его лично, да и не было особой нужды в этом: не имел никаких вопросов к нему. А теперь явился вопрос о нем самом: что за чудо? Люди оставили даже икону и устремились к человеку. Почему? И ответ явился сам собою: святой человек тоже чудо Божие, как и икона, только живое чудо. Святой есть тоже образ Божий, воплощенный в человеке. Как в иконе, так и во святых людях живет Сам Бог Своею благодатью. И тут, и там Сам Бог влечет нас к Себе Своими дарами радости, утешения, милосердия, духовного света. Когда Спаситель с Моисеем и Илией явились на Фаворе в благодатном несозданном свете ученикам и тогда Петр от восторга воскликнул: *Господи! хорошо нам здесь быть* (см.: Мф. 17, 1–4), так и через святых людей эта же Преображенская благодать и светит, и греет. А иногда — как это не раз было с отцом Серафимом

---

²¹ Празднование Казанской иконе Божией Матери Церковь совершает 2/15 сентября.

²² Старец Анатолий (Потапов) в 1908 г. был переведен из Скита в монастырь для духовного окормления богомольцев. См. о нем также на с. 22 и 58–64.

Саровским — она проявляется и в видимом, хотя и сверхъестественном, свете. Так было и теперь: через батюшку (ласковое и почтительное слово!) светилось Солнце правды Христос Бог наш. И люди грелись и утешались в этом свете.

Вспоминались мне и слова апостола Павла о христианах: *Разве не знаете, что вы храм Божий и Дух Божий живет в вас?* (1 Кор. 3, 16).

И другое его изречение, что всякий христианин должен бы возрастать в образ совершенный, *в меру возраста полноты Христовой* (ср.: Еф. 4,13)... Вот какая высота дана христианину: Сам Богочеловек Христос. И это — не дерзость похищения невозможного, а повеление и заповедь Спасителя, данная на последней Его беседе: *Если кто будет исполнять Мои заповеди, то будет возлюблен Отцем Моим; и Мы придем к тому и обитель в нем сотворим* (ср.: Ин. 14, 21, 23).

Это — цель и задача христианской жизни: общение с Богом через благодать Святого Духа. И тогда облагодатствованные люди начнут изливать свой — то есть Божий — свет и на других.

Боже, как велики сами по себе и чрезвычайно важны для других эти святые люди! Выше их нет никого.

Пришлось и мне встречать в жизни своей так называемых «великих» людей, но никогда я не чувствовал их величия: человек как человек, обыкновенный. Но вот когда приходилось предстоять перед святыми, тогда ясно чувствовалось действительное их величие... Вот это — необыкновенные люди. А иногда и страшно становилось при них, как это

мне пришлось ярко пережить при службе с отцом Иоанном Кронштадтским, о чем напишу после²³.

И тогда понятным становится, почему мы прославляем святых, пишем их иконы, кланяемся им в землю, целуем их. Они воистину достойны этого.

Понятнее станет и то, что мы в храмах кадим не только иконы Спасителя, Богородицы и святых, но и вообще всех христиан: мы в них кадим, воздаем поклонение и почитаем Самого Бога, проявляющегося в Своих образах: и в иконах, и в людях.

Ведь всякий христианин должен быть образом Божиим. Однажды мне пришлось спросить некоего старца:

— Как нужно относиться вообще к человеку?

— С почитанием, — ответил он. — Человек есть образ Божий.

И когда этот образ восстанавливается в человеке, тогда его чтут и люди, повинуются даже и звери, как первобытному Адаму в раю (см.: Быт. 1, 28), о чем нам говорят жития Герасима Иорданского²⁴

²³ Будучи студентом академии, Иван Федченков вместе со своими товарищами Раевым и Соболевым были в ноябре 1904 г. в Кронштадте, молились в Андреевском соборе за утреней и Божественной литургией, которую совершал отец Иоанн Кронштадтский. Уже став иеромонахом, Вениамин (Федченков) сослужил батюшке Иоанну на литургии, а за полгода до его смерти беседовал с ним у него дома. Позднее владыка написал краткую биографию праведного отца Иоанна, вошедшую в его книгу «Божьи люди», где владыка описывает и свои встречи с ним, а также большой труд «Отец Иоанн Кронштадтский».

²⁴ О преподобном Герасиме († 475), приручившем дикого льва, которого он вылечил от ран, см. Четьи-Минеи (Жития святых) свт. Димитрия Ростовского, 4 марта. Когда прп. Серафим подвизался в дальней лесной пустыньке,

и Серафима Саровского, и трепещут их даже бесы. Зато радуются им небожители. Когда Божия Матерь явилась с апостолами Петром и Иоанном святому Серафиму, то Она сказала им: «Сей — от рода нашего»²⁵.

От того же роду был и батюшка отец Анатолий. Сколько радости, любви и ласки на всех окружающих проливалось от его лика в оптинском лесу, на солнечной прогалине!

Но все же мои духовные очи не были тогда вполне открыты, дабы тоже устремиться к старцу, хотя бы для того, чтобы поближе посмотреть на него, спросить его о чем-нибудь, попросить молитв. Истинно слово Господне: *Очи имеют и не видят* (ср.: Мк. 8, 18). Да и один ли я...

Обязанности к жене

А вот и наставление его, старческий совет.

Кажется, уже пред вторым посещением обители я получил письмо от своего друга и товарища по академии, священника отца Александра Б. из Самарской губернии, о разладе с женою... Уж как он любил К. невестой! Весь курс наш знал о ней, какая она хорошая и прекрасная. И вот они повенчаны. Он получает приход в рабочем районе уездного

к его келье приходил медведь, которого он кормил хлебом, тот послушно лежал у его ног.

²⁵ Двенадцать раз являлась преподобному Серафиму (Машину; 1754–1833) Божия Матерь. По Ее указанию трудами и молитвами старца Серафима была устроена Дивеевская женская обитель. Церковь чтит его память 2/15 января и 19 июля/1 августа.

города. Нужно строить храм. Молодой и идейный священник с любовью и энергией принимается за дело. Постройка быстро двигается вперед.

Казалось бы, все хорошо. Но вот горе для матушки: ее батюшка почти всегда запаздывает к обеду. Матушка недовольна этим: то пища остыла, то пережарилась и переварилась. Да и время напрасно пропадает: и другие дела по дому есть. Уже и дети, кажется, появились... И огорченная хозяйка начинает роптать и жаловаться на такой непорядок и расстройство в жизни. А еще важнее то, что она, вместо прежней любви, начинает уже сердиться на мужа: разлагается семья.

Батюшка же оправдывается перед ней:

— Да ведь я не где-нибудь был, а на постройке храма.

Но ее это не успокаивает. Начинается семейный спор, всегда болезненный и вредный. Наконец матушка однажды заявляет решительно мужу:

— Если ты не изменишь жизни, то я уйду к родителям.

И вот к такому моменту мы обменялись с отцом Александром письмами. Узнав, что я еду в Оптину, он описал все свое затруднение и попросил меня зайти непременно к отцу Анатолию и спросить старческого совета его: как ему быть, кого предпочесть — храм или жену.

Я и зашел в келью батюшки. Он принимал преимущественно мирских, а монахи шли к другому старцу, отцу Нектарию. В келлии отца Анатолия было человек десять–пятнадцать посетителей. Среди них обратился с вопросом и я. Батюшка, выслушав

с опущенными глазами историю моего товарища, стал сокрушенно качать головою, как бы говоря: «Ах, какая беда, беда-то какая!» Потом, не колеблясь, хлопотливо начал говорить, чтобы батюшка в этом послушался матушки, иначе плохо будет, плохо.

И тут же припомнил мне случай из его духовной практики, как развалилась семья из-за подобной же причины. И припоминаю сейчас имя мужа: звали его Георгием...

— Конечно, — сказал отец Анатолий, — и храм строить — великое дело, но мир семейный хранить — тоже святое Божие повеление: муж должен, по апостолу Павлу, любить жену как самого себя; и сравнил апостол жену с Церковью (см.: Еф. 5, 25–33). Вот как высок брак. Нужно сочетать и храм, и семейный мир. Иначе Богу неуютно будет и строе-ние храма. А хитрый враг диавол под видом добра хочет причинить зло: нужно разуместь нам козни его. Да, вот так и отпишите: пусть приходит вовремя к обеду. Всему есть свое время. Так и отпишите.

А потом, немного подумав, добавил:

— А тут добро-то добро: строить храм-то. Но к нему тайно примешивается и тщеславие... Да, примешивается, примешивается: ему хочется поскорее кончить... людям понравиться... Так и отпишите...

Я так и отписал. И дело, конечно, поправилось.

Из «дворянской» в Скит

Во второе посещение я приехал ночью. Извозчик из Козельска подвез меня почему-то не к «черной» гостинице, а к «дворянской», где принимали

почетных или богатых гостей. Я не стал возражать. Было уже около часу ночи, если не два. Нужно сказать, что в то время моей жизни мне сопутствовала Иверская икона Божией Матери²⁶. Бывало, одну отдам кому-нибудь — получу скоро другую. И я уже так привык к сей святыне, что, куда бы ни приезжал, искал сначала: а нет ли и здесь Иверской? Так было и тут. Вхожу в первую комнату — в переднем углу висит икона Спасителя. Я жалею уже — не Иверская. Вхожу в спальню: и в углу — Иверская: слава Богу!

Ложусь спать... Едва успел задремать, слышу звон: к утрени. Хорошо бы встать да идти в храм. Но лень. Устал. И снова заснул... Проснулся довольно рано, часов около пяти. Было прекрасное августовское утро. Небо чистое. Солнце яркое. Зеленые деревья. Я открыл окно. И вдруг ко мне на подоконник прилетает голубь, совсем без страха. Я взял оставшийся от пути хлеб и стал крошить ему. Как мне это было отрадно: не боится людей! Но тут прилетает второй голубь. Я и ему отделяю крошки. Но первый уже стал ревновать: зачем я даю и другому?! И начинает клевать нового гостя. Сразу пропала моя радость: «Господи, Господи! Вот и голуби враждуют и воют. А уж, казалось бы, какие это мирные птицы! Даже Спаситель указывает на них, как на пример, апостолам: *будьте...* кротки, *как голуби*» (ср.: Мф. 10, 16). И грустно стало на душе. А уж чего же требовать от нас, людей, при

²⁶ Церковь совершает празднование Иверской иконе Божией Матери 2/25 февраля, 13/26 октября и во вторник Светлой седмицы.

нашем самолюбии?! Говорят иные: не будет войн когда-то... Неправда: всегда будут, до конца мира. И не могут не быть, так как каждый из нас в самом себе носит источник войн: гордость, зависть, злобу, раздражение, сребролюбие... Недаром сказал один из писателей перед смертью, когда его спросили об этом: «Пока человек останется человеком, будут и войны». Так передавал мне сын его, встретившись [со мной] за границей после Первой мировой войны и революции²⁷.

А Сам Сын Божий предсказывал, что мир ожидает не прогресс, а ухудшение человеческих отношений. И к концу мира будут особенно страшные войны: *восстанет народ на народ* (а не одни армии на армии), *царство на царство* (Мф. 24, 7). «Не наше ли это время?» — подумает кто-либо. Никто не знает это с несомненностью. Одно лишь ясно: что зло лежит в нас самих, в сердцах наших; поэтому вся история этого мира и человека вообще есть трагедия, а не легкая и веселая прогулка. Мир испорчен, и все мы грешны. А из-за нашего греха испортились не только животные и птицы, но даже сама природа, — так учит святой апостол Павел (см.: Рим. 8, 19–22) вслед за Христом Господом. Так голуби мои и не примирились — улетели оба.

В тот же день я, посетивши отца игумена, попросил у него разрешения пожить мне в Скиту: там больше уединения и духовного отдыха, чем при монастыре²⁸. И к вечеру я ушел туда.

Старец Анатолий (Потапов)

²⁷ Речь идет о писателе Л.Н. Андрееве (1871–1919).

²⁸ Об Оптином ските см. также примеч. на с. 14.

Скит — это отделение монастыря, где монахи живут более строго и в большей молитвенности. Туда обычно не пускают посторонних лиц вообще, а женщинам и совсем не разрешается входить.

Оптинский скит во имя святого Иоанна Предтечи находится приблизительно в полуверсте от монастыря. Кругом стройные высокие сосны. Среди них вырублено четверугольное пространство, обнесенное стеной. Внутри — храм и небольшие отдельные домики для братии Скита. Но что особенно бросается в глаза внутри его — это множество разведенных цветов. Мне пришлось слышать, что такой порядок заведен был еще при старце отце Макарии. Он имел в виду утешать уединенную братию хотя бы красотой цветов. И этот обычай хранился очень твердо.

Мне сначала было отведено место в правой половине «золотухинского» флигеля; в левой жил студент Казанской духовной академии отец А. Войдя в новое помещение, я устремился к углу с иконами: нет ли Иверской? Но там была довольно большая икона с надписью: «Портаитисса». Я пожалел... Но потом спросил сопровождавшего монаха, что значит «Портаитисса».

— Привратница, — ответил он, — или иначе — Иверская. Ее икона явилась в [IX в.] Иверскому монастырю на Афоне (Иверия — Грузия); и ей построили храм над воротами обители, потому что Матерь Божия в видении сказала: «Я не хочу быть хранимой вами, а Сама буду вашей Хранительницей».

Я возрадовался. И с той поры прожил в этом Скиту около двух недель. К этому времени и относится

большая часть моих воспоминаний об Оптиной, а скорее — об Оптинском ските и его подвижниках.

Провожал меня сюда, если не изменяет мне память, что, впрочем, маловажно, высокий статный инок со светло-белыми волосами и густой бородой. Имя его я уже не помню теперь. Но запомнил, что он был из семинаристов. Почему он — такой представительный, образованный и с хорошим басом — оставил мир и ушел в пустынь? Не знаю, а спрашивать было неделикатно.

Еще вспоминаю, что он почему-то рассказывал мне про искушение одного египетского монаха, боримого плотскими страстями; как тот ни унывал от своего падения, а бежал обратно в монастырь, несмотря на то, что бес шептал ему вернуться в мир и жениться... Когда же монах пришел к старцу своему, то пал ему в ноги со словами: «Авва, я пал!» Старец же увидел над ним венцы света — как символ того, что диавол несколько раз хотел ввести его в уныние и убеждал оставить монастырь, а благоразумный инок столько же [раз] отвергал эти искусительные помыслы и даже не сознавался в содеянном грехе, пока не пал в колена старца.

На могилках старцев

Перед уходом в Скит я — по совету ли игумена монастыря или кого из иноков — пожелал отслужить панихиду по усопшим старцам. За главным храмом²⁹, около стены алтаря, были две могилы — отца

²⁹ За Введенским храмом обители.

Макария и отца Амвросия. Мне дали в качестве певчего клиросного монаха-тенора. В засаленном подрыснике, с довольно полным животом, он произвел на меня неблагоприятное впечатление: «Не похоже на оптинских прославленных святых», — думалось мне...

Поя панихиду, я заметил под надгробной плитой ямочку. Монах объяснил мне, что почитатели старцев берут с верою песочек отсюда для исцеления от болезней. И вспоминаются мне слова Псалмопевца об Иерусалимском храме, что верующие в Господа любят не только самый храм, но *благоволят и о камнях его, и персть (прах) его полижут* (ср.: Пс. 101, 15). И что тут дивного, если и теперь русские эмигранты, возвращаясь на родину, берут горсть земли и целуют ее; а иные припадают к ней лицом и тоже целуют. Пусть же не осуждают и нас, верующих, если мы берем песочек от святых могил. Русский народ при всей своей простоте совершенно правильно и мудро понимал святые вещи. И чудеса могли твориться от этого. Из Деяний мы знаем, что не только головные уборы апостолов изливали исцеления, но даже тени их творили чудеса (см.: Деян. 5, 15). А от отца Серафима Саровского оставшиеся вещи: мантия, волосы, камень, на котором он молился тысячу дней и ночей, вода из его колодца и прочее — творили чудеса.

Велий еси, Господи; и чудна дела Твоя (ср.: Пс. 85, 10; 138, 14)!

Продолжу, однако, историю о «плохих» монахах. Для этого забегу немного вперед. Накануне праздника Успения Богоматери я стоял среди богомольцев; монахи там стояли в левой, особо

выделенной части храма. Впереди на амвоне ходил с клироса на клирос послушник-канонарх и провозглашал поющим стихиры. Свое дело он вел хорошо. Но мне бросился в глаза белый ворот рубахи, выпущенный сверх воротника подрысника. И мне показалось, что и этот монах недалеко от мирян, тщеславящихся своими одеждами. «Какой же он оптинец?!» — так вот я осудил этих двух иноков. И думал, что я прав в своих помыслах.

Но вот на другой день за литургией я сказал проповедь (об этом ниже). И что же? Когда я сходил с храмовой паперти, ко мне подбежали два монаха и при всем народе поклонились мне с благодарностью в ноги, прося благословения. Кто же, думали бы вы, были эти два монаха?.. Один из них — полный певчий на могилках, а другой — этот канонарх с белым воротничком. Я был ошеломлен, что именно те двое, которых я осудил как плохих монахов, они-то именно и проявили смирение... Господь как бы обличил меня за несправедный суд о людях. Да, сердце человека ведомо лишь одному Богу. И нельзя судить нам по внешности... Много ошибок делаем мы в своих суждениях и пересудах...

Игумены

Вместе с этими монахами мне вспомнился и отец игумен монастыря. Я теперь забыл его святое имя — может быть, его звали Ксенофонт?³⁰ Это был

³⁰ Игумен Ксенофонт (Клюкин; ок. 1846–1914) был настоятелем Оптиной пустыни с 1897 по 1914 г.

уже седовласый старец с тонкими, худыми чертами бледного лица. Лет около семидесяти. Мое внимание обратила особая строгость его лица, даже почти суровость. А когда он выходил из храма боковыми южными дверями, то к нему с разных сторон потянулись богомольцы, особенно женщины. Но он шел поспешно вперед, в свой настоятельский дом, почти не оглядываясь на подходивших и быстро их благословляя. Я не посмел осудить его: слишком серьезно было лицо его. Наоборот, я наполнился неким благоговейным почтением к нему. Этот опытный инок знал, как с кем обращаться. И вспоминается мне изречение святого Макария Великого, что у Господа есть разные святые: один приходит к Нему с радостью; другой — в суровости; и обоих Бог приемлет с любовью.

Вспоминаю другого игумена, по имени Исаакий³¹. Он перед служением литургии в праздники всегда исповедовался духовнику. Один ученый монах, впоследствии известный митрополит, спросил его, зачем он это делает и в чем ему каяться. Какие у него могут быть грехи? На это отец игумен ответил сравнением:

— Вот оставьте этот стол на неделю в комнате с закрытыми окнами и запертой дверью. Потом

³¹ Иеромонах Исаакий (Бобраков; 1865–1938) в 1914 г. назначен настоятелем монастыря и возведен в сан архимандрита. После закрытия монастыря поселился в Козельске, с 1930 г. — в Белёве, где подвергался преследованию властей. В 1932 г. был арестован, через пять месяцев освобожден. В 1937 г. вновь арестован и приговорен к расстрелу. Расстрелян 8 января 1938 г. и погребен в братской могиле в Тесницком лесу под Тулой. В 2000 г. прославлен Церковью как преподобномученик.

придите и проведите пальцем по нему. И останется на столе чистая полоса, а на пальце — пыль, которую не замечаешь даже в воздухе. Так и грехи: большие или малые, но они накапливаются непрерывно. И от них следует очищаться покаянием и исповедью.

По поводу этих «малых» грехов припоминается здесь широко известный случай с двумя женщинами, имевший место в Оптиной пустыни. К старцу, вероятно, отцу Амвросию, пришли две женщины. Одна из них имела на своей душе великий грех и потому была крайне подавлена. Другая была весела, потому что за ней никаких «больших» грехов не значилось. Отец Амвросий, выслушав их откровения, послал их обеих к реке Жиздре. Первой он велел найти и принести огромный камень, какой только она была в силах поднять, а другая должна была набрать в подол своего платья маленьких камней. Те исполнили повеленное. Тогда старец велел обеим отнести камни на старые места. Первая легко нашла место большого камня — оно было заметно, а другая не могла запомнить всех мест своих небольших камней и воротилась со всеми ними к старцу. Он и объяснил им, что первая всегда помнила о великом грехе и каялась и теперь могла снять его с души своей; вторая же не обращала внимания на мелкие грехи, а таких оказалось много, и она, не помня их, не могла очиститься от них покаянием.

Здесь же заметим, что в монастырях обычно один лишь игумен монастыря называется «батюшка», как одна матка в пчелином улье. А прочие монахи — как рясофорные, так и манатейные (постриженные в мантию), и иеромонахи — именуется «отцы»,

с прибавлением их монашеского имени. Исключение составляют лишь старцы: народ обычно называет их тоже «батюшка»; а монахи и тут отличают их от игуменов, называя «старец такой-то», по имени. И в монастырях ничего не делается без благословения и разрешения игумена, как в хорошей семье — без разрешения отца.

Святые скитники

Запишу разговор со мною отца Феодосия³² о монашестве моем, почему-то затронутый в беседе: в этот ли раз или в иной — не помню.

— Вы для чего приняли монашество? — спросил он меня.

— Ради большего удобства спасения души и по любви к Богу, — ответил я.

— Это хорошо. Правильно. А то вот ныне принимают его, чтобы быть архиереями «для служения ближним», как они говорят. Такой взгляд — неправильный и несмиренный. По-нашему, по-православному, монашество есть духовная, внутренняя жизнь, и прежде всего — жизнь покаянная, именно ради спасения своей собственной души. Ну если кто усовершится в этом, то сможет и другим послужить на спасение. А иначе не будет пользы ни ему, ни другим.

Припоминаю, что утренние службы совершались около трех часов ночи и, кажется, состояли

из чина чтения двенадцати псалмов. Это было недолго, но зато скитские иноки вообще проводили значительную часть дня в свободных молитвах, по келлиям. И эта сторона их жизни была ведома лишь им да Богу... Известно, что всякие «правила» и уставы о молитве нужны больше для новоначальных, не воспитавших еще молитвенного горения «непрестанной» молитвы и «стояния пред Богом». Усовершенствовав же в этом внешние правила не обязательны; а иногда даже они отвлекают от внутренней молитвы.

Какова была эта сторона жизни у подвижников и у старца Нектария, мне было неизвестно, а спрашивать не смел; да, признаться, и не очень-то интересовался этим, будучи сам нищим в молитве. Только я прежде уже заметил, что, например, у отца Нектария глаза были воспалены: не от молитвенных ли слез? Говорил мне кто-то, что у него еще и ноги больные, распухшие: ясно, от долгих стояний и поклонов...

В молитвенности и заключается главная жизнь подлинных иноков, путь к благодатному совершенству и даже средство к получению особых даров Божиих: мудрости старческой, прозорливости, чудес, святости. Но эта сторона жизни сокровенная у подвижников. Однако мы никогда не должны забывать о ней как самой главной, если желаем хоть умом понять жизнь святых. А нам, грешным и земным, даже вставать к трем часам утра было трудно. Будил нас по келлиям довольно молодой еще послушник, **отец Нестор**. Очень милый и ласковый, всегда с улыбкой на чистом с небольшой бородкой лице. Говорили про

³² Иеромонах Феодосий (Поморцев) был скитоначальником с 1912 по 1920 г. См. о нем также примеч. на с. 26.

него, что он любит спать, поэтому ему и дано было послушание будить других: для этого он вынужден был поневоле вставать раньше, чтобы обойти весь Скит. Но и после, говорят, его тянуло ко сну.

Отец Макарий. В противоположность отцу Нестору, это был человек сурового вида. Огромная рыжая борода, сжатые губы, молчаливый, он напомнил мне отца Ферапонта из «Братьев Карамазовых» Достоевского. Он занимал положение эконома в Скиту; на эту должность вообще назначают людей посуровее, чтобы не расточал зря, а берег монастырское добро. Познакомился же я с ним по следующему поводу. Однажды мы с соседом по келлии в «золотухинском» корпусе, отцом Афанасием, пошли к литургии и, позабыв внутри ключ от дома, захлопнули дверь его. Что делать? Ну, думаем, после попросим отца эконома помочь нам: у него много всяких ключей. Так и сделали. Отец Макарий молча пошел с нами в рясе и клобуке — величаво. А замок наш был винтовой. Отец эконом вынул из связки один подобный ключ, но его сердечко было меньше дырочки замка. Тогда он поднял с земли тоненькую хворостиночку, вложил ее в отверстие замка и молча начал опять вертеть ключом. Не помогало. Тогда я посоветовал ему:

— Отец Макарий, вы бы вложили хворостиночку потолще! А эта тонка — не отпрете.

— Нет, не от того. Без молитвы начал! — сурово ответил он.

И тут же перекрестился, прочитав молитву Иисусову: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий,

Корпус братских правил

Кедровая роща и братские келлии Скита

помилуй мя грешнаго!» И снова начал вертеть ключ с прежней хворостиночкой. И замок тут же открылся. Отец Макарий, не говоря более ни слова, ушел к себе, а мы разошлись по своим комнатам.

По этому поводу и в связи с ним мне вспоминается и другой случай. Спустя десять лет, будучи уже эмигрантом в Европе, я был на студенческой конференции «Христианской ассоциации молодых людей» в Германии, в городе Фалькенберге³³.

По обычаю, мы устраивали временный храм и ежедневно совершали богослужения, а в конце недельной конференции все говели и причащались.

В устройстве храма мне помогал друг — студент А.А. У-в. На алтарной стороне нужно было повесить несколько икон. Юноша начал вбивать в стену гвозди, но они попадали на камни и гнулись. Увидев это и вспомнив отца Макария, я сказал: «А вы сначала перекреститесь и молитву сотворите, а потом уже выбирайте место гвоздю».

Тот послушно исполнил это. Помолился и наставил гвоздь в иное место, ударил молотком, и он попал в паз между камнями. То же самое случилось и со вторым гвоздем, и с прочими.

Был подобный случай и с отцом Иоанном Кронштадтским. Встав рано утром, около трех часов, по обычаю, он должен был читать утреннее правило ко Причащению. Но никак не мог найти этой книжки. Безуспешно пересмотрев все, он вдруг остановился

³³ Речь идет о местном съезде Русского Студенческого Христианского движения (РСХД), который проходил в 1924 г. В 1926 г. собором русских иерархов в Карловцах РСХД признали антиправославной организацией.

и подумал: «Прости меня, Господи, что я сейчас из-за поисков твари (книги) забыл Тебя, Творца всяческих!» — и немедленно вспомнил место, куда он вчера положил книгу.

Потом в жизни я многим рассказывал об этих случаях. И сам нередко на опыте проверял истинность слов «сурового» отца Макария: «Без молитвы начал».

Отец Кукша. Странное имя, никогда прежде мною не слышанное ни в монастырях, ни в миру. Вероятно, таково было имя святого до обращения в христианство. Потом он был святым иноком в Киево-Печерском монастыре. Жизнь свою он окончил среди язычников-вятичей, где был за проповедь о Христе обезглавлен вместе со своим учеником Никоном (после 1114 года). Память этого святого 27 августа/9 сентября, а 28 сентября/11 октября — со всеми святыми, почивающими в Ближних пещерах. В память этого священномученика почему-то и было дано при постриге имя оптинскому иноку.

Я с ним познакомился ближе потому, что монастырское начальство нашло нужным (почему я не знаю, а спрашивать там не полагается — все делается беспрекословно, по послушанию) перевести меня из «золотухинского» дома в другой, в келлию рядом с отцом Кукшей³⁴. Это был пожилой уже монах, лет около 65-ти, а может быть, и больше, небольшого роста, со светлой бородой и необыкновенно простой

³⁴ Вероятно, имеется в виду скитский иеромонах Кукша (Степченков; 1850–1923).

и жизнерадостный. Он мне готовил чай в маленьком самоварчике, вмещавшем четыре-пять чашек. Тут лишь мы и встречались с ним. И в Скиту, и в монастыре не было обычая и разрешения ходить по чужим келлиям без особого послушания и нужды. И я не ходил. А однажды зашел-таки по приглашению к одному монаху, но после получил от отца Феодосия легкое замечание:

— У нас не ходят по келлиям.

Вероятно, и пригласивший меня получил выговор. Хотя наша беседа с ним была не на плохие темы, а о святых отцах и их творениях, но раз без благословения, то и хорошее — нехорошо...

И к отцу Кукше я не ходил и даже не видел его келлии, хотя жили рядом в доме. Да и он заходил ко мне исключительно по делу, и наши разговоры были случайными и короткими. Однажды он с удивительной детской простотой сказал мне о старчестве и о старцах:

— И зачем это, не знаю... Не знаю! Все так ясно, что нужно делать для спасения! И чего тут спрашивать?!

Вероятно, чистой душе его, руководимой благодатью Святого Духа, и в самом деле ни о чем не нужно было спрашивать: он жил свято, без вопросов. Беззлобный, духовно веселый, всегда мирный, послушный — отец Кукша был как дитя Божие, о которых Сам Спаситель сказал: *если... не будете как дети, не войдете в Царство Небесное* (Мф. 18, 3). Но однажды с нами случилось искушение. Мне захотелось отслужить утром литургию. А отец Кукша заведовал церковной стороной Скита и ризницей. Потому

я и сказал ему накануне о своем желании. По чистой простоте он радостно согласился, и я отслужил.

А в Скиту был обычай — вечерние молитвы совершать в домике отца скитоначальника. После этого мы все кланялись отцу Феодосию в ноги, прося прощения и молитв, и постепенно уходили к себе. А если ему нужно было поговорить с кем-либо особо, то он оставлял их для этого после всех. Но на этот раз отец Феодосий оставил всех. Братии в Скиту было немного. После «прощения» он обращается к отцу Кукше и довольно строго спрашивает:

— Кто благословил тебе разрешить отцу архимандриту (то есть мне) служить ныне литургию?

Отец Кукша понял свою вину и без всяких оправданий пал смиренно в ноги скитоначальнику со словами:

— Простите меня грешного! Простите!

— Ну отец архимандрит не знает наших порядков. А ты обязан знать! — сурово продолжал выговаривать отец Феодосий.

Отец Кукша снова бросается в ноги и снова говорит при всех нас:

— Простите меня грешного, простите!

Так он и не сказал ни одного словечка в свое оправдание. А я стоял тоже как виноватый, но ничего не говорил... Потом, с благословения начальника, мы все вышли... И мне, и всей братии был дан урок о послушании... Действительно ли отец Феодосий рассердился или он просто через выговор смиренному отцу Кукше хотел поучить и других, а более всего — меня, не знаю. Но на другой день утром вижу в окно, что он, в клобуке и даже в мантии, идет

к нашему дому. Вошел ко мне в келлию, помолился перед иконами и, подавая мне освященную за службой просфору, сказал:

— Простите меня, отец архимандрит, я вчера разгневался и позволил себе выговаривать при вас отцу Кукше.

Не помню теперь, ответил ли я что ему или нет. Но вот скоро встретился другой случай. В Калужскую епархию приехал новый архиерей: епископ Георгий (после убитый в Польше архимандритом С-м)³⁵. Он был человек строгий и даже крайне властный. День был солнечный. Утро ясное. Вижу, отец Феодосий направляется с отцом Кукшей к храму святого Иоанна Предтечи. Я поклонился. Батюшка говорит мне, что ныне он с отцом игуменом монастыря едет в Калугу представляться новому владыке:

— Вот сначала нужно отслужить молебен.

А я про себя подумал: монахи едут к общему отцу епархии и своему, а опасаются, как бы не случилось никакого искушения при приеме... Странно...

В это время отец Кукша отпер уже храм, и мы двинулись туда. На пути отец Феодосий говорит мне:

— Вы знаете, отец Кукша — великий благодатный молитвенник. Когда он молится, то его молитва, как столп огненный, летит к Престолу Божию.

³⁵ С 1913 по 1916 г. епископом Калужским был Георгий (Ярошевский; 1872–1923). Будучи временным Патриаршим экзархом в Польше (с 1921 г.), он поддался влиянию польских властей и начал проводить церковную политику, направленную на установление автокефалии Православной Церкви в Польше. Все это вызвало протест русского населения Польши. В разгар церковной борьбы митрополит Георгий был застрелен архимандритом Смарагдом (Латышенко).

Я молчал. И вспомнил выговор этому столпу: видно, было нужно это и ему, и всем нам...

Седовласый отец Афанасий³⁶. Представьте себе глубокого старца с белыми волосами, с белой широкой бородой, закрывавшей почти всю грудь его.

На голове мягкая монашеская камилавка. Глаза опущены вниз и духовно обращены внутрь души — точно они никого не видят. Если кто помнит картину Нестерова «Пустынник», то отец Афанасий похож на него, только волосы блее. В первый раз я обратил внимание на отца Афанасия в скитской трапезной. В чистой столовой, человек на двадцать — двадцать пять, в середине стоял стол, а по стенам — лавки. Первый приходивший сюда, положив, по обычаю, троекратное крестное знамение, садился направо, на первое от дверей место. Входящий за ним другой инок, после крестного знамения, кланялся пришедшему раньше и занимал соседнее место. Так же делали и другие, пока к строго определенному времени не приходили все. И никто ничего не говорил. Нагнувши голову, каждый или думал что, или — вернее — тайно молился. На этот раз мне пришлось в ожидании трапезы сидеть рядом с отцом Афанасием. В молчаливой тишине я вдруг услышал очень тихий шепот со стороны соседа. Невольно я повернул свое лицо и заметил, как отец Афанасий двигает старческими губами и шепчет молитву Иисусову...

³⁶ Вероятно, речь идет о скитском монахе Афанасии (Сапрыкине; 1837–1917).

По-видимому, она стала у него беспрестанною привычкою и потребностью.

После обеда я спросил у кого-то из скитников: какое особое — кроме молитвы — послушание несет старец? Оказалось, что он из Скита носит на скотный двор грязное белье монахов для стирки. Этот двор расположен где-то в лесу, в стороне от монастыря, и там трудится несколько женщин Бога ради. Вот туда и посылают старца, убеленного сединами.

Отец Иоиль³⁷. Я еще упомянул о нем как об очевидце визита Л.Н. Толстого к отцу Амвросию. Теперь — его рассказ о сотрудничестве с этим святым старцем. Батюшка начал и вел постройку женского Шамординского монастыря³⁸ больше с верою, чем с деньгами, которые давал ему на это дело народ и благотворители. И не раз в конце недели рабочим нечем было платить. Отец Иоиль был подрядчиком на этой постройке от лица отца Амвросия. Приходит время расчета, а денег нет... Народ — всё бедный. Приступают к подрядчику: «Плати!» — «Нечем!» Подождите да потерпите. И рабочие — хоть бросай дело. А отцу Иоилю и их жалко, и постройку нельзя остановить.

— Вот я один раз решил отказаться от послушания; неумогу мне, — рассказывал он сам. — Пришел к батюшке, упал ему в ноги и говорю: «Отпусти, сил никаких нет терпеть людское горе».

³⁷ Вероятно, речь идет о схимонахе Иоиле (Токареве; 1839–1920). Он поступил в Оптину в 1865 г. Пострижен в монашество в 1874 г. Исполнял послушание клиросного и пасечника в Скиту. В 1918 г. принял схиму.

³⁸ См. примеч. на с. 15.

Отец Амвросий уговаривает:

— Не отказывайся, проси их подождать.

И сам я плачу, а сил нет.

— Ну, подожди, подожди! — говорит батюшка.

И пошел он к себе в келлию. «Ну, — думаю, — где-нибудь в столе своем отыщет деньги?» А он выходит с иконой Казанской Божией Матери и говорит:

— Отец Иоиль! Сама Царица Небесная просит тебя: не отказывайся!

Я упал ему в ноги. И опять пошел на дело.

Отец Исакий. Кажется, таково было имя одного из скитских старых иеромонахов. Мы с ним встретились во внутреннем садике. Это был старец, лет под семьдесят, но еще бодрый. Длинная с проседью борода. Он был духовником в этом самом Шамординском монастыре, наезжая туда по временам. К сожалению, из небольшой случайной нашей беседы осталось очень мало в памяти моей. Но он утешал меня, убеждая не унывать. Причем обратил мое внимание на то, что образованные монахи тоже делают святое дело в миру, тоже исполняют церковное послушание в школах, семинариях, во славу Божию. И при этом в глазах его светилась ласка и тихое ободрение.

Первый визит в Скит

Когда я через ворота под колокольной вошел внутрь двора Скита, меня приятно поразило множество цветов, за коими был уход. Об этом я уже говорил. Налево узенькая дорожка вела к скито-начальнику отцу Феодосию. Он был здесь как бы

Предтеченский скит. Святые врата

«хозяином», но подчинялся отцу игумену монастыря, как и все прочие. Это был человек высокого роста, уже с проседью и довольно плотный. Познакомились. И я сразу попросил у него благословения сходить исповедаться у старца отца Нектария.

Опишу ту комнату, в которой я встретился с ним и где бывали и Достоевский, и Л. Толстой, и другие посетители, коим разрешалось входить в Скит³⁹.

Она была небольшая, приблизительно аршин пять на восемь. Два окна. По стенам скамьи. В углу икона и картина святых мест. Лампадка. Под иконами стол, на котором лежали листочки религиозного содержания. Эта комната составляла часть всего домика, называемого «хибаркой»⁴⁰, где жил старец. Из приемной комнаты вела дверь в помещение самого старца. А другая дверь от него вела в подобную же комнату, соседнюю с нашей; там принимались и мужчины, и женщины, так как в нее вход был прямо из леса, с внешней стороны Скита; я там не бывал.

Другой старец, батюшка отец Анатолий, жил в самом монастыре и там принимал народ, преимущественно мирян; а монахам рекомендовалось больше обращаться к отцу Нектариию.

Когда я вошел в приемную, там уже сидело четверо: один послушник и какой-то купец с двумя мальчиками, лет по девять-десять. Как дети они

³⁹ Отец Нектарий принимал посетителей в том помещении, где прежде общались с народом старец Амвросий (Гренков), а позднее — старец Иосиф (Литовкин). Именно с ними и беседовали писатели Достоевский Ф.М. и Толстой Л.Н. при посещении Оптиной.

⁴⁰ См. примеч. на с. 14.

о чем-то говорили и весело, но тихо щебетали и, сидя на скамейке, болтали ножками. Когда их разговор становился уже громким, отец приказывал им молчать. Молчали и все мы, взрослые: как в церкви; и здесь была благоговейная атмосфера. Рядом святой старец. Но детям это было невтерпез, и они сползли со скамьи и начали осматривать красный угол с иконами. Рядом с ними висела картина какого-то города. На ней и остановилось особое внимание шалунов. Один из них говорит другому: «Это наш Елец». А другой возражает: «Нет, это Тула». — «Нет, Елец». — «Нет, Тула!» И разговор опять принимал горячий оборот. Тогда отец подошел к ним и обоим дал сверху по щелчку. Дети замолчали и воротились назад к отцу на скамейку. А я, сидя почти под картиной, поинтересовался потом: за что же пострадали малыши? За Тулу или за Елец? Оказалось, под картиной была подпись: «Святой град Иерусалим».

Зачем отец приехал и привез с собой своих деточек, я не знаю, а спросить казалось грешно: мы все ждали выхода старца, как церковной исповеди. А в церкви не говорят и об исповеди не спрашивают. Каждый из нас думал о себе, о своих грехах и нуждах.

А о чем же думали, сидя здесь, Достоевский, Толстой? Увы, это покрыто тайной забвения. Впрочем, о Толстом рассказал маленький эпизод отец Иоиль, видевший его в Скиту.

Долго Толстой говорил с отцом Амвросием-старцем. А когда вышел от него, лицо его было хмурое. За ним вышел и старец. Монахи, зная, что у отца Амвросия известный писатель, собрались вблизи

дверей хибарки. Когда Толстой направился к воротам Скита, старец сказал твердо, указывая на него:

— Никогда не обратится ко Христу! Гордыня! Так именно и случилось.

Второй раз Толстой посетил Оптинский скит перед смертью. Как известно, он ушел из своего дома. И, между прочим, посетил свою сестру Марию Николаевну, монахиню Шамординского монастыря, созданного отцом Амвросием верстах в двенадцати от Оптиной. И тут у него снова явилось желание обратиться к старцам. Но он опасался, что они откажутся принимать его теперь, так как он был уже отлучен Церковью за свою борьбу против христианского учения — о Святой Троице, о воплощении Сына Божия, о таинствах (о коих он выражался даже кощунственно). Сестра же уговаривала его не смущаться, а идти смело, уверяя, что его встретят с любовью... И он согласился... Слышал я, что он будто бы подошел к двери хибарки и взялся за ручку, но... раздумал и ушел обратно. Потом он поехал по железной дороге и, заболев, вынужден был остановиться на станции Астапово Тульской губернии, где и скончался в тяжелых душевных муках. Церковь посылала к нему епископа Тульского Парфения⁴¹ и старца оптинского Варсонофия, но окружавшие его лица (Чертков и другие) не допустили их до умирающего.

Некоторые подробности об этом визите в Оптину были записаны после смерти его в «Церковных ведомостях».

⁴¹ Парфений (Левицкий; 1858–1921), архиепископ Полтавский и Переяславский. Управлял Тульской епархией в 1908–1917 годах.

Припомню тут и слышанное мною о нем во Франции. Одно время я жил на побережье Атлантического океана. Там же в одном доме жила тогда и жена одного из сыновей Л. Толстого со своим внучком Сережей. И она иногда рассказывала кое-что о нем и тоже повторяла, что он был «гордый»... Но она жалела его... Внук был тоже чрезвычайно капризный: если что-либо было не по нем, то он бросался на пол и затылком колотился об него, крича и плача. А в другое время он был ласков ко всем... После отец, чех, выкрал его от бабушки; он тогда уже разошелся с внучкой Толстого.

О Достоевском мне, к сожалению, не пришлось ни услышать, ни прочитать ничего [связанного с Оптиной]. А его беседа была бы, конечно, интересна. И дух ее был иной, так как он был христианин и скончался, исповедавшись и причастившись Святых Таин, читая Евангелие.

Старец Нектарий

Тогда мне рассказывали, но теперь я уже не помню, когда и почему он прибыл в монастырь. Одно лишь припоминаю, что он пришел молодым, чистым юношей. И старец Амвросий, прозрев в нем будущего угодника Божия, дал заповедь: принять его сразу в Скит и никогда отсюда не посылать на послушание в монастырь! Так и было. В Скиту он прожил до старости, лет до 70–75, каким я увидел его при посещении (1913). Да после он жил еще до выселения монахов из Оптиной. А скончался он в доме одного крестьянина,

который взял его к себе в деревню... Еще из Парижа (1925–1926) я переписывался с ним через одно семейство, а потом получил известие о кончине его. Следовательно, в то время ему было, вероятно, около 85 лет⁴².

Ворочусь к воспоминаниям в хибарке.

Прождали мы в комнате минут десять молча: вероятно, старец был занят с кем-нибудь в другой половине домика. Потом неслышно отворилась дверь из его помещения в приемную комнату, и он вошел... Нет, не вошел, а как бы вплыл тихо... В темном подряснике, подпоясанный широким ремнем, в мягкой камилавке, отец Нектарий осторожно шел прямо к переднему углу с иконами и медленно-медленно и истово крестился... Мне казалось, будто он нес какую-то святую чашу, наполненную драгоценной жидкостью, и крайне опасался, как бы не пролить ни одной капли из нее... И тоже мне пришла мысль: святые хранят в себе благодать Божию и боятся нарушить ее каким бы то ни было неблагоговейным душевным движением — поспешностью, фальшивой человеческой лаской и прочим. Отец Нектарий смотрел все время внутрь себя, предстоя сердцем пред Богом. Так советует и епископ Феофан Затворник: сидя ли, ходя ли или делая что, будь непрестанно перед лицом Божиим⁴³.

⁴² Здесь допущена неточность: оптинский старец Нектарий (Тихонов; 1852–1928) прожил 76 лет. См. о нем выше приведенное воспоминание протоиерея Василия Шустина на с. 31–37 и примечания на с. 13 и 37.

⁴³ *Феофан Затворник, свт.* Письма к разным лицам о разных предметах веры и жизни. М., 1995 (репринт 1892 г.). Письмо 79. С. 414.

Лицо его было чистое, розовое, небольшая борода с проседью. Стан тонкий, худой. Голова его была немного склонена книзу. Глаза полузакрыты.

Мы все встали... Он еще раза три перекрестился перед иконами и подошел к послушнику. Тот поклонился ему в ноги; но стал не на оба колена, а лишь на одно, вероятно, по тщеславию стыдился делать это при посторонних свидетелях. От старца не укрылось это, и он спокойно, но твердо сказал ему:

— И на второе колено стань!

Тот послушался... И они о чем-то тихо поговорили... Потом, получив благословение, послушник вышел.

Отец Нектарий подошел к отцу с детьми: благословил их и тоже поговорил... О чем, не знаю. Да и не слушал я: было бы грешно подслушивать. О себе самом думал я... Все поведение старца произвело на меня благоговейное впечатление, как бывает в храме перед святынями, перед иконою, перед исповедью, перед причастием.

Отпустив мирян, батюшка подошел ко мне, к последнему. Или я тут отрекомендовался ему как ректор семинарии, или прежде сказал об этом через келейника, но он знал, что я архимандрит. Я сразу попросил его принять меня на исповедь.

— Нет, я не могу исповедовать Вас, — ответил он. — Вы человек ученый. Вот идите к отцу скитоначальнику нашему, отцу Феодосию, он образованный⁴⁴.

Мне горько было слышать это: значит, я недостойн исповедаться у святого старца? Стал я за-

щищать себя, что образованность наша не имеет важности. Но отец Нектарий твердо остался при своем и опять повторил совет — идти через дорожку налево к отцу Феодосию. Спорить было бесполезно, и я с большой грустью простился со старцем и вышел в дверь.

Придя к скитоначальнику, я сообщил ему об отказе отца Нектария исповедовать меня и ответе старца идти за этим к образованному отцу Феодосию.

— Ну какой же я образованный? — спокойно ответил он мне. — Кончил всего лишь второклассную школу. И какой я духовник?! Правда, когда у старцев много народа, принимаю иных и я. Да ведь что же я говорю им? Больше из книжек наших же старцев или из святых отцов, что-нибудь вычитаю оттуда и скажу. Ну а отец Нектарий — старец по благодати и от своего опыта. Нет, уж Вы идите к нему и скажите, что я благословляю его исповедать Вас.

Я простился с ним и пошел опять в хибарку. Келейник с моих слов все доложил батюшке, и тот попросил меня к себе в келлию.

— Ну вот и хорошо, слава Богу! — сказал старец совершенно спокойно, точно он и не отказывался прежде. Послушание старшим в монастыре — обязательно и для старцев: и может быть, даже в первую очередь, — как святое дело и как пример для других.

И началась исповедь... К сожалению, я теперь решительно не помню ничего о ней... Одно лишь осталось в душе, что после этого мы стали точно родными по душе. На память батюшка подарил мне маленькую иконочку из кипарисового дерева с выточенным внутри распятием.

⁴⁴ См. о нем примеч. на с. 26.

Подошел праздник Успения Божией Матери⁴⁵. Накануне, часов около одиннадцати, ко мне приходит из монастыря благочинный, отец Федот⁴⁶. Несколько полный, с проседью в темных волосах и бороде, спокойный, приветливый, он и с собою принес тишину. Помолвившись и поздоровавшись со мною, он сначала справился о моем здоровье и самочувствии, потом порадовался, «какая ныне хорошая погода», — был тихий, безоблачный день. Я подумал: подход как в миру, между светскими людьми. Жду дальше: напрасно монахи не ходят по келлиям, как писалось раньше. И действительно, отец благочинный скоро перешел к делу:

— Ваше Высокопреподобие! Батюшка отец игумен⁴⁷ просит Вас сказать завтра, на поздней литургии, поучение...

Это предложение было для меня совершенно неожиданным: я в миру довольно много говорил проповедей, речей, уроков. И устал духовно от многоглаголения; потому, живя в монастыре, хотел уже отдохнуть от учительства в тишине, одиночестве и молчании. И в самом деле отдыхал.

И вдруг — проповедей и здесь?

⁴⁵ Он совершается Церковью 15/28 августа.

⁴⁶ Феодот (Мартемьянов; 1871–1932) поступил в Оптину в 1889 г. В 1901 г. пострижен в монашество, рукоположен во иеромонаха в 1908 г. Выполнял различные послушания в монастыре. С 30 июля 1910 г. определен на должность исполняющего обязанности благочинного. После закрытия Оптиной жил в Козельске. В 1930 г. арестован и приговорен к пяти годам ссылки в Северный край, где и скончался.

⁴⁷ В это время настоятелем монастыря был архимандрит Ксенофонт (Клюкин; 1846–1914).

— Нет, нет! — запротестовала моя душа. — Не могу, батюшка!

И начался между нами долгий спор.

— Почему же, Ваше Высокопреподобие?!

— Ну чему я буду учить вас в монастыре?!

Вы — истинные монахи; а, живя в миру, какие мы монахи? Нет, и не просите напрасно.

Но отца благочинного нелегко оказалось заставить отказаться от данного ему игуменом поручения:

— А как же вон у нас жили другие ученые монахи, — стал он перечислять их имена, — и проповедовали?

— Это не мое дело, — отстранял я его возражение. — Я про себя говорю, что не могу учить вас, монахов. Да и что особого я могу вам сказать? У вас на службах читаются, по уставу, и жития святых из Пролога⁴⁸, и поучения из творений святых отцов. Что же лучше?

— Так-то так, но и живое устное слово полезно нам послушать, — настаивал отец Федот.

— Святые отцы — всегда живые, — возражал я, — нет уж, батюшка, не просите! Мне трудно это. Так и объясните отцу игумену.

— Да ведь отец игумен и благословил меня просить Вас проповедовать.

Видя, что никакие уговоры не действуют на посланца, я вспомнил о старце Нектарии. «Вот кто

⁴⁸ Пролог — древнерусский церковный сборник, включающий краткие жития святых, назидательные поучения святых отцов Церкви и притчи, расположенные по дням года. Впервые был издан в Москве в 1641–1643 гг. См.: Пролог: В 2 кн. М.: Изд. Сретенского монастыря, 2003 (репринт 1895–1896 гг.).

может выручить из неожиданной беды, — думалось мне, — я у него исповедался, он знает мою грешную душу и скорее поймет мой отказ по сознанию моего недостойнства, а слово старца сильно в обители».

— Я спрошу у батюшки отца Нектария, — сказал я.

— Хорошо, хорошо! — согласился сразу отец Федот.

И с этими словами он начал прощаться со мной. Да было и время: в монастыре зазвонил небольшой колокол к обеду. Благодичный ушел, а я направился к хибарке старца. В знакомой мне приемной никого не было. На мой стук вышел из келлии отец Мелхиседек: маленького роста, в обычной мягкой камилавке, с редкой молодой бородой, с ласковым лицом.

Я объяснил ему наше дело и добавил:

— Мне нет даже нужды беспокоить самого батюшку, он занят другими. Вы только спросите у него совета. И скажите ему, что я прошу его благословить меня не проповедовать.

И я верил в такой ответ старца: мне казалось, что я хорошо поступаю, смиренно. Келейник, выслушав меня, ушел за дверь. И почти тотчас же возвратился:

— Батюшка просит Вас зайти к нему.

Вхожу. Целуем друг у друга руки. Он предложил мне сесть и, не спрашивая больше ни о чем, сказал следующие слова, которые врезались мне в память до смерти.

— Батюшка, — обратился он ко мне тихо, но чрезвычайно твердо, авторитетно, — примите совет

на всю Вашу жизнь: если начальники или старшие Вам предложат что-нибудь, то, как бы трудно или даже как бы высоко ни казалось это Вам, — не отказывайтесь. Бог за послушание поможет!

Затем он обратился к окну и, указывая на природу, сказал:

— Смотрите, какая красота: солнце, небо, звезды, деревья, цветы... А ведь прежде ничего не было! Ничего! — медленно повторил батюшка, протягивая рукою слева направо. — И Бог из ничего сотворил такую красоту. Так и человек: когда он искренно придет в сознание, что он — ничто, тогда Бог начнет творить из него великое.

Я стал плакать. Потом отец Нектарий заповедовал мне так молиться:

— Просите в молитве у Бога благодати.

Я хотя был уже тогда ректором семинарии, но не знал, о чем, собственно, я буду молиться. И спросил его:

— Как, батюшка, молиться?

— Молитесь просто: «Господи, дай мне благодать Твою».

А затем добавил:

— На Вас идет (допустим) туча скорбей, а Вы молитесь: Господи, дай мне благодать! И Господь пронесет мимо Вас грозу.

При этом он медленно протянул рукою слева направо, подобно тому, как грозовая туча неожиданно сворачивает в сторону и пронесется мимо.

Много лет спустя (около двадцати) я должен был усердно молиться этой молитвой, и беда миновала.

Отец Нектарий, продолжая свою речь, рассказал мне почему-то историю из жизни патриарха Никона, когда он, осужденный, жил в ссылке и оплакивал себя⁴⁹. Теперь уж я не помню этих подробностей о патриархе Никоне, но «совет на всю жизнь» стараюсь исполнять. И теперь слушаюсь велений высшей церковной власти. И, слава Богу, никогда в этом не раскаивался. А когда делал что-либо по своему желанию, всегда потом приходилось страдать.

...Вопрос о проповеди был решен: нужно слушать отца игумена и завтра говорить. Я успокоился и ушел. Обычно для меня вопрос о предмете и изложении поучения не представлял затруднений, но на этот раз я не мог подыскать нужной темы до самого всеобщего бдения. И уже к концу чтения канона на утрени в моем уме и сердце остановились слова, обращенные к Богородице: «Сродства Твоего не забуди, Владычице!» Мы, люди, сродники Ей по плоти. Она — из нашего человеческого рода. И хотя Она стала Матерью Сына Божия, Богородицею, но мы, как Ее родственники, все же остались Ей близкими. А потому смеем

⁴⁹ Патриархом Московским Никон (Минов; 1605–1681) был с 1652 по 1666 г. Он предпринял ряд церковных реформ, что привело к расколу в Русской Церкви на его сторонников и противников — старообрядцев. Архиерейским собором Русской Поместной Церкви в 1666 г. был низвержен из патриаршества и священства. Простым монахом сослан в Ферапонтов Белозерский монастырь, затем переведен в Кирилло-Белозерский. Уже после его смерти Константинопольский патриархат в 1682 г. восстановил Никона в патриаршем достоинстве.

надеяться на Ее защиту нас пред Богом, хотя бы были и бедными грешными родственниками Ее... И мысли потекли, потекли струей... Вспомнился и пример из жития святителя Тихона Задонского⁵⁰ о грешном настоятеле этой обители, как он был помилован и даже воскрешен Господом. «За молитвы Моей Матери возвращается в жизнь на покаяние», — послышался ему голос Спасителя, когда душа его спускалась на землю. А настоятель этот, будучи по временам одержим нетрезвостью, имел обычай в прочие дни читать акафист Божией Матери.

В день Успения я отслужил раннюю в другом храме... И вдруг во мне загорелось желание сказать поучение и тут. Но так как это было бы самоволием, я воздержался.

Какие лукавые бывают искушения!

На поздней литургии я сказал приготовленную проповедь. Она была действительно удачною. В храме кроме монахов было много и богомольцев-мирян. Все слушали с глубоким вниманием.

Но на этом «слава» моя не кончалась. Когда я возвратился в Скит, меня на крылечке нашего домика встретил преподобный отец Кукша⁵¹:

— Вот хорошо сказали, хорошо! Вот был у нас в Калуге архиерей Макарий⁵²: тоже хорошо-о говорил проповеди!

⁵⁰ См. Житие свт. Тихона Задонского (Соколова; 1724–1783). Церковь чтит его память 13/26 августа.

⁵¹ См. о нем примеч. на с. 53.

⁵² Преосвященный Макарий (Троицкий) был епископом Калужским и Боровским в 1895–1901 гг.

Я промолчал. На этом разговор и кончился.

Через некоторое время из монастыря пришла уже целая группа послушников и стала просить меня:

— Батюшка, пойдёмте погуляем в лесу и побеседуем: Вы такую хорошую проповедь нам сказали.

«О-о! — подумал я про себя. — Уже учителем заделаться предлагают тебе? А вчера считал себя недостойным и говорить?! Нет, нет: уйди от искушения!» И я отклонил просьбу пришедших.

Кстати: вообще монахам не дозволяется ходить по лесу и лишь по праздникам разрешалось это, и то группами, для утешения. Но этим пользовались лишь единицы, а другие сидели по келлиям, согласно заповеди древних отцов: «Сиди в келлии, и келлия спасет тебя».

На следующий день мне нужно было выезжать из монастыря на службу в Тверскую семинарию, и я пошел проститься сначала с отцом Нектарием. Встретив меня, он с тихим одобрением сказал:

— Видите, батюшка: послушались, и Бог дал Вам благодать произнести хорошее слово.

Очевидно, кто-то ему уже об этом сообщил, так как старец не ходил в монастырь.

— Ради Бога, — ответил я, — не хвалите хоть Вы меня, бес тщеславия меня уже и без того мучает второй день.

Старец понял это и немедленно замолчал. Мы простились.

От него я пошел через дорожку к скитоначальнику отцу Феодосию. Тот спросил меня, как я себя чувствую, с каким настроением отъезжаю.

Игумен Феодосий

Я искренно поблагодарил за все то прекрасное, что я видел и пережил здесь. Но добавил:

— А на сердце моем осталось тяжелое чувство своего недостойнства.

Мне казалось, что я говорил искренно и сказал неплохо, а сознание недостойнства мне представлялось смирением. Но отец Феодосий посмотрел иначе.

— Как, как? — спросил он. — Повторите, повторите!

Я повторил. Он сделался серьезным и ответил:

— Это — не смирение. Ваше преподобие, это — искушение вражье, уныние. От нас, по милости Божией, уезжают с радостью, а Вы — с тяготою? Нет, это неладно, неладно. Враг хочет испортить плоды Вашего пребывания здесь. Отгоните его. И благодарите Бога. Поезжайте с миром. Благодать Божия да будет с Вами.

Я простился. На душе стало мирно.

Какие вы духовно опытные! А мы, так называемые «ученые монахи», в самих себе не можем разобраться правильно... Не напрасно и народ наш идет не к нам, а к ним... «простоцам», но мудрым и обученным благодатью Духа Святого. И апостолы были из рыбаков, а покорили весь мир и победили «ученых». Истинно говорится в акафисте: «Ветія многовещанная», то есть ученые ораторы, «видим яко рыбы безгласныя»⁵³ по сравнению с христианской проповедью этих рыбаков.

И теперь «ученость» наша была посрамлена еще раз.

Когда я приехал на вокзал в Козельск, то в ожидании поезда сидел за столом. Против меня оказался какой-то низенький крестьянин с остренькой бородкой. После короткого молчания он обратился ко мне довольно серьезно:

— Отец, ты, что ли, вчера говорил проповедь в монастыре?

— Да, я.

— Спаси тебя Господи! А знаешь, я ведь думал, что благодать-то от вас, ученых, совсем улетела...

— Почему так?

— Да видишь: я безбожником одно время стал, а мучился. И начал я к вам, ученым, обращаться: говорил я с архиереями — не помогли. А вот потом пришел сюда, и эти простецы обратили меня на путь. Спаси их Господи! Но вот вижу, что и в вас, ученых, есть еще живой дух, как Сам Спаситель сказал: *Дух дышет, идеже хочет* (ср.: Ин. 3, 8).

Скоро подошел поезд. В вагон второго класса передо мною поднялись по ступенькам две интеллигентные женщины. За ними вошел и я. Они очень деликатно обратились ко мне со словами благодарности за вчерашнее слово. Оказалось, это были две дворянки, приезжавшие издалека на богомолье в Оптину и слышавшие мою проповедь. И думается, что эти «ученые» — не хуже, а даже лучше, смиреннее, чем бывший безбожник... Да, воистину Дух Божий не смотрит ни на ученость, ни на «простоту», ни на богатство, ни на бедность, а только на сердце человеческое, и если оно пригодно, то Он там живет и дышит...

Началась революция. И вот какое предание дошло до меня за границей. Отец Нектарий будто бы

⁵³ Икос 9-й, Акафист Пресвятой Богородице.

встретил пришедших его арестовывать с детскими игрушками и с электрическим фонариком, совершенно спокойный. И перед ними он то зажигал, то прекращал свет фонаря. Удивленные таким поведением глубокого старца, а может быть, и ожидавшие какого обличения за свое безобразие от святого, молодые люди сразу же от обычного им гнева перешли в благодушно-веселое настроение и сказали:

— Что ты? Ребенок, что ли?

— Я — ребенок, — загадочно-спокойно ответил старец.

Если это было действительно так, то стоит серьезно задуматься над смыслом поведения его и загадочным словом о «ребенке».

А ребенком он мог назвать себя, поскольку идеальный христианин становится действительно подобным дитяте по духу. Сам Господь сказал ученикам при благословении детей: *если... не будете как дети, не войдете в Царство Небесное* (Мф. 18, 3).

Князь Н. Д. Жевахов

ОПТИНА ПУСТЫНЬ

Воспоминания. 1916 год

Старец Анатолий¹

Когда человек ближе к Истине?.. Тогда ли, когда его жизнь протекает плавно и ровно, без внешних ударов и потрясений, и он, спокойный и уравновешенный, оценивает окружающее сквозь призму реальных фактов, не задумывается над вопросами бытия, не страдает от неразрешимых противоречий жизни, не заглядывает в потусторонний мир?..

---

¹ Воспоминания князя Жевахова печатаются по изданию: Оптиная пустынь в воспоминаниях очевидцев. Введенский мужской монастырь Оптиная пустынь, 2016.

Или тогда, когда под влиянием несчастий и страданий, выбитый из колеи жизни, примиряется со своим уделом, отворачивается от земных задач и целей и стремится ввысь, обращая взоры к Богу?

У кого правда: у реалиста или у мистика? Для меня никогда не существовало сомнений в том, что правда у последнего. И поэтому кто ближе всех к Богу — дети, а между ними нет реалистов. Все дети — мистики, все они тянутся к Богу, как цветы — к солнцу; все бессознательно влекутся к небу и одинаково протестуют против попыток горделивого ума разрушить волшебный замок мистицизма, где все иначе, чем на земле, где живут Ангелы, поющие славу Богу, где нет ни зависти, ни злобы, где говорят ангельским языком и над всем и всеми царствуют небесные законы и Вечная Любовь.

Я помню, как глубоко задевали меня пренебрежительные отзывы взрослых о монастырях, о старцах, отшельниках и затворниках, какие казались мне святыми; с какой болью сердца и тяжким недоумением я относился к каждому, кто пытался поколебать мою детскую веру, отнимать у меня подарки Божии, какие не имели цены и были дороже всех сокровищ мира. Годы шли, менялись точки зрения, охладевали порывы, но то, что сказали мне детство и юность, то оказалось правдой вечной и неизменной. И не эта правда изменялась от времени и науки, а изменялись мы сами, удаляясь от нее, теряя ощущение правды — понимание ее и влечение к ней. Как легко потерять ощущение правды и как трудно найти потерянное!.. Кто бывал в монастырях и видел старцев, тот знает, что только ценой

неимоверных усилий и величайших иноческих подвигов возмещалась эта потеря и что только на склоне своей жизни дряхлые старцы возвращали своей изможденной страданиями душе подлинное ощущение детства. И как мало отличались тогда эти старцы, эти земные ангелы, от детей; какая чистота и святость сквозили в каждой их мысли, в каждом движении; какую чрезвычайную ценность являли собой эти исключительные люди, рассказывающие о том, о чем молчаливо говорят глаза младенца, живущего в объятиях ангельских, но не способного поведать людям своих небесных ощущений... И моя дума инстинктивно тянулась к этим людям, и детство, и юность прошли в общении с ними. Тогда не было ни горя, ни страданий, ни всего того, что, по милосердию Божию, возвращает к Богу сбившегося с пути грешника...

Тогда была только естественная потребность не поврежденной страстями души укрыться от заразы мира и искать родной обстановки и родных людей, была потребность искать правду.

И на этот раз я ехал в Оптину пустынь, к старцу Анатолию², потому что не доверял ни своему, ни чужому уму, потому что искал правды, какой не мог найти вокруг себя. И так же, как и раньше, я испытывал по мере приближения к Оптиной все больший душевный трепет. Там, за оградой монастыря, по ту сторону реки Жиздры, жили иные люди, у которых были иные задачи и цели, иное

---

² О старце Анатолии (Потапове; † 1922) см. также на с. 22 и 42–44.

дело, чем у меня. И насколько моя жизнь казалась мне беспросветной и никому не нужной, насколько дело мое казалось мне преступной тратой времени, нужного для приготовления к загробной жизни, для спасения души, настолько жизнь этих счастливых избранников являлась в моих глазах постепенным восхождением к Богу и была полна глубочайшего содержания. Они имели то, чего не имел самый счастливый человек в миру: имели учителей жизни, премудрых старцев, опытно познавших науку жизни. Они не были одиноки, тогда как мы, миряне, блуждали, подобно стаду без пастыря, и нашими учителями были лишь воспоминания об ощущениях детства, за которые мы судорожно хватались, чтобы не заблудиться в дебрях жизни, чтобы не потерять хотя бы образа правды.

Подле кельи отца Анатолия толпился народ. Там были преимущественно крестьяне, прибывшие из окрестных сел и соседних губерний. Они привели с собою своих больных и искалеченных детей и жаловались, что потратили без пользы много денег на лечение.

«Одна надежда на батюшку Анатолия, что вымолит у Господа здравие неповинным».

С болью сердца смотрел я на действительно неповинных несчастных детей, с запущенными болезнями, горбатых, искалеченных, слепых... Все они были жертвами недосмотра родительского, все они росли без присмотра со стороны старших, являлись живым укором темноте, косности и невежеству деревни. В некотором отдалении от них стояла другая группа крестьян, человек восемнадцать,

с зажженными свечами в руках. Они желали «сбороваться» и были одеты по-праздничному. Я был несколько удивлен, видя перед собой молодых и здоровых людей, и искал среди них больного. Но больных не было: все казались здоровыми. Только позднее я узнал, что в Оптину ходили собороваться совершенно здоровые физически, но больные духом люди, придавленные горем, житейскими невзгодами, страдающие запоем. Глядя на эту массу верующего народа, я видел в ней одновременно сочетание грубого невежества и темноты с глубочайшей мудростью. Эти темные люди знали, где Истинный Врач душ и телес³: они тянулись в монастыри как в духовные лечебницы, и никогда их вера не посрамляла их, всегда они возвращались возрожденными, обновленными, закаленными молитвой и беседами со старцами.

Я вновь чувствовал себя в родной обстановке, среди людей, какие были столь чужды мне по уровню своего развития, но так близки и дороги по вере. И так же, как и раньше, мне хотелось остаться навсегда в любимой Оптиной пустыни, чтобы начать новую, осмысленную жизнь, жизнь по уставу мудрейших людей, столь отличную от мирской жизни, изгнавшей самую мысль о спасении души, о нравственной ответственности и загробной жизни. И никогда еще эта мирская жизнь не угнетала меня больше, как в эти моменты соприкосновения с «настоящею» жизнью; никогда еще мои мирские

---

³ См.: Молитва ко Господу об исцелении больного «Владыко Вседержителю, Врачу душ и телес...».

дела и занятия не казались мне менее нужными, чем в эти моменты возношения души к Богу.

Вдруг толпа заволновалась; все бросились к дверям кельи. У порога показался отец Анатолий. Маленький сгорбленный старичок, с удивительно юным лицом, чистыми, ясными, детскими глазами, отец Анатолий чрезвычайно располагал к себе. Я давно уже знал батюшку Анатолия и любил его. Он был воплощением любви, отличался удивительным смирением и кротостью, и беседы с ним буквально возрождали человека. Казалось, не было вопроса, которого бы отец Анатолий не разрешил; не было положения, из которого бы этот старичок Божий не вывел своей опытной рукой заблудившихся в дебрях жизни, запутавшихся в сетях сатанинских... Это был истинный старец, великий учитель жизни. При виде отца Анатолия толпа бросилась к нему за благословением, и старец, медленно протискиваясь сквозь толпу народа, направился к крестьянам, ожидавшим соборования, и приступил к таинству Елеосвящения. Я улучил момент, чтобы просить отца Анатолия принять меня наедине.

— Сегодня в четыре часа, перед вечерней, — ответил на ходу отец Анатолий.

Было восемь часов утра. Я вернулся в гостиницу; затем прошел в главный храм, где началась поздняя обедня, после которой навестил настоятеля и начальника Скита Оптиной.

Все они были моими старыми друзьями, родными, близкими мне по духу людьми.

В четыре часа я вошел в келью отца Анатолия.

Старец Анатолий (Потапов)

Беседа со старцем Анатолием

— Батюшка отец Анатолий, не разберусь я ни в чем, — начал я, — с детских лет я бессознательно тянулся в монастырь и уже не в первый раз стучусь и к вам, в вашу обитель; а все еще никак не могу развязаться с миром, и кажется мне, что я все больше и больше запутываюсь в сетях сатанинских... Боюсь я за свою душу... Откуда это влечение в обитель, какое делает мне жизнь в миру такой немилрой, что хочется бежать из него, какое обесценивает в моих глазах всякое мирское дело, не позволяет мне, из опасения измены пред Богом, завязываться мирскими связями, заставляет жить между миром и монастырем, между небом и землей... Если бы вы знали, как это тяжело, как трудно остаться чистым среди мирской грязи, как болезненны греховные падения и, даже безотносительно к ним, какую бессмысленною кажется мне мирская жизнь, когда сознаешь, что зиждется она на неверном фундаменте, что живут люди не так, как повелел Господь, делают не то дело, какое должны были делать... Иной раз бывает так тяжело от всяких противоречий и перекрестных вопросов, что я боюсь даже думать. Так и кажется, что сойду с ума от своих тяжелых дум...

— А это от гордости, — ответил отец Анатолий.

— Какая там гордость, батюшка, — возразил я, — кажется мне, что я сам себя боюсь; всегда я старался быть везде последним, боялся людей, сторонился и прятался от них...

— Это ничего; и гордость бывает разная. Есть гордость мирская — это мудрование, а есть гордость

духовная — это самолюбие. Оно и точно, люди воистину с ума сходят, если на свой ум полагаются да от него всего ожидают. А куда же нашему уму, ничтожному и зараженному, браться не за свое дело? Бери от него то, что он может дать, а больше не требуй... Наш учитель — смирение. *Бог гордым противится, а смиренным дает благодать* (Иак. 4, 6). А благодать Божия — это все... Там тебе и величайшая мудрость. Вот ты смирись да скажи себе: «Хотя я и песчинка земная, но и обо мне печется Господь, и да свершится надо мною воля Божия...» Вот если ты скажешь это не умом только, но и сердцем и действительно смело, как и подобает истинному христианину, положишься на Господа с твердым намерением безропотно подчиниться воле Божией, какова бы она ни была, тогда рассеются пред тобою тучи, и выглянет солнышко, и осветит тебя, и согреет, и познаешь ты истинную радость от Господа, и все покажется тебе ясным и прозрачным, и перестанешь ты мучиться, и легко станет тебе на душе...

Я почувствовал, как затрепетало мое сердце от этих слов.

«Как глубоко и как просто», — подумал я.

Отец Анатолий между тем продолжал:

— Трудно было бы жить на земле, если бы и точно никого не было, кто бы помог нам разбираться в жизни. А ведь над нами Сам Господь Вседержитель, Сама Любовь... Чего же нам бояться да сокрушаться, зачем разбираться в трудностях жизни, загадывать да разгадывать... Чем сложнее и труднее жизнь, тем меньше нужно это делать. Положись на волю Господню, и Господь не

посрамит тебя. Положись не словами, а делами. Оттого и трудной стала жизнь, что люди запутали ее своим мудрованием, что вместо того, чтобы обращаться за помощью к Богу, стали обращаться к своему разуму да на него одного полагаться. Не бойся ни горя, ни болезней, ни страданий, ни всяких испытаний — все это посещения Божии, тебе же на пользу. Пред кончиною своей будешь благодарить Господа не за радости и счастье, а за горе и страдания, и чем больше их было в твоей жизни, тем легче будешь умирать, тем легче будет возноситься душа твоя к Богу...

— Это так, батюшка; но если задачей нашей жизни является спасение души, то не гордость, а страх Божий заставляет искать места, где можно легче спастись. Если даже сильные, духовно мудрые люди с трудом выдерживают борьбу с кознями сатанинскими в миру, то куда же нам, слепым и слабым! Я помню свои детские годы... Мир точно умышленно развращал нас, и только в родной семье да в келье старца я слышал о том, о чем наедине говорила мне душа моя... И еще тогда я недоумевал, зачем оставаться в миру среди чужих и недобрых людей, и спрашивал старцев, куда мне идти и что делать с собою. Я знал, куда идти и что делать, но боялся следовать своей воле и запрашивал старцев, чтобы они открыли мне волю Божию. А они удерживали меня в миру, не пускали в монастырь; все говорили, что Господь предназначил мне иной путь и что не пришел еще час мой... А чем дальше, тем было хуже, тем тяжелее. Жизнь стала складываться так, что без измены Богу я уже не мог покинуть мира. Сначала подошло дело

святителя Иоасафа⁴; затем постройка храма святителю Николаю в Бари⁵; а вот теперь подходит еще одно дело, и я не знаю, от Бога ли оно или нет, но хорошо знаю, что если возьмусь за него, то оно окончательно привяжет меня к миру... Вот за этим, чтобы спросить вас и посоветоваться, я и приехал сейчас в Оптину.

— А какое это дело? — спросил меня отец Анатолий, пристально глядя на меня.

— Царь хочет назначить меня на службу в Синод, товарищем обер-прокурора, и вот я и не знаю, что это означает. Если бы Царь и Царица близко знали меня, тогда бы я не сомневался; но знают меня Их Величества мало, видели только несколько раз. Сказывается ли здесь воля Божия и святителя Иоасафа, промыслительную руку которого я вижу над собой в своей жизни, или, может быть, здесь козни сатанинские, чтобы не пустить меня в монастырь. Место это высокое; много соблазнов для тщеславия, и гордости, и самолюбия; много будет у меня врагов, которые станут травить меня так, как сейчас травят всех входящих в состав правительства; и я не знаю, как мне поступить, и ни в чем не могу

⁴ С 1906 г. князь Н.Д. Жевахов занимался собиранием сведений о жизни епископа Белгородского Иоасафа (Горленко; † 1754), дальним родственником которого он был. В итоге было собрано три тома материалов для биографии владыки Иоасафа. В 1911 г. Церковь прославила его в лике святителей, — значительная роль в этом принадлежала усилиям князя.

⁵ 10 декабря 1910 г. постановлением Императорского православного палестинского общества вместе с протоиереем Иоанном Восторговым князь был командирован в Италию для выбора земельного участка под храм и стронноприимный дом для паломников из России. Как член Барградского комитета, в 1913 г. присутствовал при торжественной закладке храма и дома.

сам разобраться. Откройте мне волю Божию, и как вы скажете мне, так я и сделаю.

— А ты верно знаешь, что Царь зовет тебя на это место? — спросил отец Анатолий.

— Верно знаю, — ответил я.

— А коли Царь зовет, значит — зовет Бог. А Господь зовет тех, кто любит Царя, ибо Сам любит Царя и знает, что и ты Царя любишь. Нет греха больше, как противление воле Помазанника Божия. Береги его, ибо им держится земля Русская и вера православная... Молись за Царя и заслоняй его от недобрых людей, слуг сатанинских. Царь не только объявитель воли Божией людям, но... — Отец Анатолий задумался, и слезы показались у него на глазах; взволнованный, он кончил невысказанную мысль, сказав: — Судьба Царя — судьба России. Радоваться будет Царь — радоваться будет и Россия. Заплачет Царь — заплачет и Россия, а... не будет Царя — не будет и России... Как человек с отрезанной головой уже не человек, а смердящий труп, так и Россия без Царя будет трупом смердящим. Иди же, иди смело, и да не смущают тебя помыслы об иночестве: у тебя еще много дела в миру. Твой монастырь внутри тебя; отнесешь его в обитель, когда Господь прикажет, когда не будет уже ничего, что станет удерживать тебя в миру...

Одарив меня иконами, отец Анатолий с великой любовью благословил и отпустил меня. И снова я уехал из Оптиной пустыни с тем чувством, с каким выезжал всякий раз за ограду любимой обители, точно из рая, с тем чтобы снова погружаться в глубины житейского водоворота, в толщу мирской жизни, для борьбы с нею, для борьбы с самим собою...

ОБ АВТОРАХ

**Протоиерей Василий
Васильевич Шустин**

Родился 18 мая 1886 года в состоятельной и благочестивой семье. У Василия был старший брат Михаил и младшая сестра Мария. По воспоминаниям отца Василия, его мать Мария преставилась рано. В 1903 году отец семейства по благословению отца Иоанна Кронштадтского вступил во второй брак. С тех пор семейство Шустиных стало

тесно общаться с отцом Иоанном, который часто бывал в их доме и принимал Шустиных у себя в Кронштадте. Как вспоминал отец Василий, кронштадтский пастырь исцелил его отца от горловой чахотки, которая едва не привела родителя к смерти, а младшую сестру Марию — от черной оспы. Был батюшка Иоанн и крестным единокровной сестры Василия Анны.

В юношеские годы Василий Васильевич обучался в Электротехническом институте в Санкт-Петербурге, где начал посещать молодежные религиозные собрания. Там он и узнал от своего друга Василия Прокопьевича Тарасова, студента Санкт-Петербургской духовной академии, об оптинских старцах, духовно окормлявших всю Россию. А интерес к старцам возник у юного Василия после прочтения романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы»: образ персонажа романа старца Зосимы был вдохновлен преподобным Амвросием (Гренковым).

В 1910 году Василий Васильевич Шустин впервые посетил Оптину пустынь. Там он познакомился со старцем Варсонофием (Плиханковым), который взял молодого человека под свою духовную опеку.

Благодаря детоводительству отца Варсонофия Василий Васильевич встретился со своей будущей супругой — Анастасией Сергеевной Демичевой. Девушка собиралась уйти в монастырь, но старец убедил ее выйти замуж за своего духовного воспитанника. Василий и Анастасия по благословению старца обвенчались сразу после его кончины в 1913 году. Прямо из церкви они пришли на его могилу, как преподобный и завещал.

Отец Варсонофий предрекал Василию Васильевичу, что он не окончит институт. Так и случилось: с началом Первой мировой войны он попал на фронт, а во время Гражданской войны воевал на стороне Добровольческой армии. В 1920 году, эвакуировавшись из Крыма, Шустин оказался на Балканах. С тех пор он навсегда утратил связь с горячо любимой женой и двумя детьми, оставшимися в России.

В годы эмиграции Василию Васильевичу приходилось работать и слугой у католических монахов в Болгарии, и помощником в русском приюте для беженцев. Переехав в Югославию, он преподавал физику в Русском кадетском корпусе города Бела Црква и одновременно учился на пастырско-богословских курсах, организованных РПЦЗ. 7 апреля 1927 г. был рукоположен во диакона и служил в русском храме в г. Бела Црква. Именно там в 1929 году небольшим тиражом были изданы его воспоминания — «Запись об отце Иоанне Кронштадтском и об оптинских старцах».

В 1930 году митрополитом Антонием (Храповицким) Василий Шустин был рукоположен в иерейский сан и до 1935 года служил в русской церкви в Сербии. Затем Синод Русской Православной Церкви Заграницей направил его настоятелем православного прихода в Алжир по особой просьбе русских людей, проживающих там. На место нового служения отец Василий прибыл 16 июня 1935 года. В 1937 году к отцу Василию приехала его сестра Мария, которая взяла на себя все заботы по ведению церковного хозяйства.

Первоначально батюшка совершал богослужения и требы в помещении австрийского консульства, где единственным напоминанием о Православии была икона Божией Матери. Впоследствии, когда вокруг отца Василия выросла община в количестве ста человек, был приобретен церковный дом, в котором и устроили храм во имя Святой Троицы. Конечно, Алжир не был единственным средоточием церковной жизни, отец Василий отправлялся к православным христианам и в другие города. Он много проповедовал и активно выражал свою антисоветскую позицию. Постоянно занимался миссионерской работой среди коренного населения — берберов, обращая их в Православие. Дважды он был ранен мусульманами-фанатиками.

После провозглашения независимости Алжира отец Василий, как и его прихожане, в 1964 году был вынужден выехать в Европу. Он перебрался во Францию, в город Канны, где был помощником настоятеля Михайловского храма, а позднее по болезни и в связи с преклонном возрастом проживал в доме престарелых. Скончался 24 июля/6 августа 1968 года. Похоронен на Каннском кладбище, потом перевезен в Ниццу и погребен на кладбище около русской церкви в склепе с другими православными священниками.

В некрологе, подписанном общественным деятелем русской эмиграции И.М. Концевичем, отмечалось: «Жизнь отца Василия была сплошным подвигом, тяжелым и настойчивым, но зато он был уже близок к святине и ею освятился!»

Митрополит Вениамин
(в миру Иван Афанасьевич Федченков)

Родился 2 сентября 1880 года в Тамбовской губернии в семье бывшего крепостного крестьянина. Отец, Афанасий Иванович служил конторщиком в имении своих господ. Мать Наталия Николаевна была дочерью диакона. Родители воспитывали мальчика в вере и послушании. В 1901 году Иван закончил Тамбовскую семинарию и поступил в Санкт-Петербургскую духовную академию. На последнем курсе академии, в 1907 году, он принял монашество с именем Вениамин. Пострижение совершил архимандрит (позднее архиепископ) Феофан (Быстров; † 1940), который стал его духовником.

По окончании академии отец Вениамин преподавал в ней на кафедре гомилетики и пастырского богословия. И в дальнейшем владыка сочетал монашеский подвиг с педагогической деятельностью. Он был ректором Тверской и позднее — Таврической

семинарии. В 1911 иеромонах Вениамин возведен в сан архимандрита, а в 1919 году хиротонисан в епископа Севастопольского. Весной 1920 года он вступил в Белое движение и возглавил военное духовенство Русской армии.

В ноябре 1920 г. вместе с беженцами владыка покидает Россию. Он проживал в Турции, Болгарии, Югославии, Чехословакии, Сербии, где окормлял русскую паству, был законоучителем в кадетских корпусах и предпринимал усилия по организации самостоятельного церковного управления для русского зарубежья. В 1925–1926 и 1929–1930 годы был инспектором Православного богословского института в Париже и преподавал там. В начале 1930-х годов он организовал в Париже патриаршее подворье с храмом во имя Трех святителей.

В 1933 году митрополит Сергей (Страгородский) назначил владыку Вениамина архиепископом Алеутским и Северо-Американским. Эту кафедру он занимал 14 лет. Благодаря терпению и стараниям владыки его паства постепенно увеличивалась, к Патриаршей Церкви присоединялись приходы и духовенство. В 1938 году он был возведен в сан митрополита и получил титул экзарха. В годы Великой Отечественной войны митрополит Вениамин стал одним из вдохновителей мощного патриотического движения русской эмиграции. В начале 1945 года владыка впервые после 25 лет изгнания приехал в Москву для участия в работе Поместного Собора, на котором Патриархом Московским и всея Руси стал митрополит Алексей (Симанский).

В 1948 году владыка окончательно вернулся в Россию и был назначен вначале на Рижскую, а затем на Ростовскую и Саратовскую кафедры. В феврале 1958 года в связи с ухудшением здоровья святителя определили на покой в Псково-Печерский Успенский монастырь. В обители он много работал над редактированием и систематизацией своих многочисленных сочинений. 4 октября 1961 года владыка Вениамин скончался и был похоронен в Богом зданных пещерах монастыря.

Митрополит Вениамин оставил обширное духовное наследие. Это глубокие труды о вере, о догмате искупления, о литургии, толкование на молитву Господню и др. Значительное место в его творчестве занимают жития святых и воспоминания о личных встречах с подвижниками благочестия, а также дневники и мемуары. Им была составлена книга о преподобном Серафиме Саровском «Всемирный светильник», которая является одной из лучших книг, написанных о преподобном. Владыке принадлежит и фундаментальное исследование «Отец Иоанн Кронштадтский» о святом, с которым был лично знаком.

В данный сборник включена глава «Оптина» из книги владыки Вениамина «Божьи люди», в которой нашли свое отражение его впечатления о встречах с православными подвижниками. Будучи архимандритом, он был в Оптиной пустыни дважды: летом 1912 года и еще через год. Владыка вспоминает о старце Анатолии (Потапове), о начальнике Оптинского скита отце Феодосии (Поморцеве), об игуменах монастыря отцах Ксенофонте (Клюкине) и Исаакии

(Бобракове), а также о старце Нектарии (Тихонове) и других оптинцах. С преподобным Нектарием владыка впоследствии, в 1925–1926 годы, уже находясь в эмиграции, в Париже, вел переписку. Рассказы митрополита Вениамина являются бесценными живыми свидетельствами об оптинских праведниках.

**Жевахов Николай
Давидович (1874–1946)**

Жевахов Николай Давидович происходил из грузинского княжеского рода, брат священномученика Иоасафа (Жевахова; † 1937), епископа Могилевского.

Окончил юридический факультет Киевского университета святого Владимира. В 1898–1917 годы состоял на государственной службе. В 1914 году ему было пожаловано звание камер-юнкера высочайшего двора.

15 сентября 1916 года был назначен исправляющим должность товарища обер-прокурора Святейшего Синода Н.П. Раева. Перед этим назначением князь ездил в Оптину пустынь к старцу Анатолию (Потапову), который посоветовал ему не оставлять государственной службы и отложить поступление в монастырь. Князь имел репутацию ставленника Г.Е. Распутина. Современники по-разному относились к князю Жевахову; при дворе он пользовался поддержкой. 1 января 1917 года удостоен чина действительного статского советника и камергера.

После Февральского переворота Жевахов покинул Петроград. В 1917–1919 годы жил в Киеве, затем из-за наступления большевиков бежал на юг, жил в Харькове, Ростове-на-Дону, Пятигорске и Екатеринодаре. В 1920 году эмигрировал в Константинополь, затем Сербию, Италию. Был управляющим русским подворьем святителя Николая в Бари. В 1930-е годы он неустанно помогал многим изгнанникам из России.

В эмиграции князь написал и опубликовал «Воспоминания товарища обер-прокурора Святейшего Синода князя Н.Д. Жевахова» (в двух томах), охватившие период его жизни с сентября 1915 по январь 1920 года (первый том — в 1923 г. в Мюнхене, второй том — в 1928 г. в Нови-Саде), в которых описал отношения государства и Церкви в Российской империи с позиций ревностного защитника Православия и монархиста. В первый том вошел очерк «Оптина пустынь. Старец Анатолий».

Его перу принадлежит обширный очерк «Сергей Александрович Нилус». Он перевел на итальянский

язык «Беседу преподобного Серафима Саровского с Николаем Мотовиловым о цели христианской жизни». Благодаря настоянию Н.Д. Жевахова Никольское подворье в Бари оставалось неприкосновенной святыней вплоть до окончания Второй мировой войны. Последние месяцы жизни провел в Закарпатье и умер там в 1946 году. Похоронен в городе Бари.

В предлагаемый нами сборник вошли воспоминания князя Жевахова о преподобном Анатолии Оптинском (Потапове). Автор откровенно и искренно передает одну из своих бесед со старцем, с читателем он говорит «как на духу», — и это придает особую достоверность его воспоминаниям.

О Г Л А В Л Е Н И Е

<i>Предисловие</i>	5
<i>Протоирей Василий Шустин. Запись об отце Иоанне Кронштадском и оптинских старцах</i>	9
Предисловие к изданию 1929 года	9
Отец Иоанн Кронштадтский	12
Старец отец Варсонофий Оптинский	16
Старец Нектарий Оптинский	20
<i>Митрополит Вениамин (Федченков). Оптина</i>	26
От автора	30
Имя Божие	34
Образ Божий	36
Старец Анатолий	38
Обязанности к жене	41
Из «дворянской» в Скит	51
На могилах старцев	55
Игумены	59
Святые скитники	62
Первый визит в Скит	65
Старец Нектарий	65
<i>Князь Н.Д. Жевахов. Оптина пустынь</i>	66
Старец Анатолий	66
Беседа со старцем Анатолием	92
<i>Об авторах</i>	141
Протоирей Василий Шустин	170
Митрополит Вениамин (Федченков)	170
Князь Н.Д. Жевахов	155

Встречи со старцами:

Воспоминания протоиерея Василия Шустина,
митрополита Вениамина (Федченкова),
князя Н.Д. Жевахова

РО «Введенский ставропигиальный мужской монастырь
Оптина пустынь Русской Православной Церкви
(Московский Патриархат)» 249722, Калужская область,
г. Козельск, ул. Западная, владение № 2

ООО «Книжная торговля «Отчий дом».
109428, г. Москва, Рязанский проспект, д. 16,
стр. 3, пом. 1, этаж 5, комн. 4.
E-mail: otdom@yandex.ru.
Тел.: 8 (800) 775–39–10

Подписано в печать 31.02.2022. Бумага офсетная.
Формат 84x108/32. Печать офсетная. Физ.п.л. 5,5
Тираж 5000 экз. Заказ №